

**КРИТИКА
НАШИХ
КРИТИКОВ**

Т. И. ОЙЗЕРМАН

**НЕОТОМИЗМ-ФИЛОСОФИЯ
СОВРЕМЕННОЙ
РЕАКЦИОННОЙ БУРЖУАЗИИ**

СОЦЭКГИЗ • 1959

«КРИТИКА НАШИХ КРИТИКОВ»

Т. И. ОЙЗЕРМАН

НЕОТОМИЗМ — ФИЛОСОФИЯ
СОВРЕМЕННОЙ
РЕАКЦИОННОЙ БУРЖУАЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва. 1959

Неотомизм — одно из наиболее влиятельных течений современной буржуазной философии. Неотомистские теоретики активно выступают в качестве буржуазных «критиков» и фальсификаторов марксизма-ленинизма. Неотомисты возрождают средневековую схоластическую систему Фомы Аквинского. Однако было бы неправильно рассматривать неотомистскую философию как простое возрождение средневекового томизма; неотомисты вносят в это традиционное католическое учение новое, буржуазное содержание, приспособлявая его к современным задачам империалистической реакции. Модернизируя сформулированный Фомой Аквинским принцип «гармонии» знания и веры, неотомистские философы идеалистически истолковывают открытия современного естествознания, стремясь доказать, что современная наука не только не опровергает религии, а, напротив, подтверждает христианские догмы о начале мира, о неизбежности светопреставления и т. д. Демагогически выступая под флагом «критики» капитализма, неотомистские социологи пропагандируют «средний путь» общественного развития, якобы пролегающий между капитализмом и коммунизмом. Эта реакционная социальная утопия является замаскированной апологией капитализма и направлена на то, чтобы увести трудящихся с пути классовой борьбы.

Предлагаемая брошюра на большом фактическом материале подвергает критике основные философские и социологические догмы немецких, французских, итальянских и американских неотомистов.

Введение

Неотомизм, или неосхоластика, представляет собой возрождение и приспособление к новым историческим условиям учения видного представителя средневековой католической философии Фомы (по-латыни — Thomas) Аквинского, которого католическая церковь после смерти возвела в «святые».

В ряду современных буржуазных философских направлений неотомизм занимает особое и, можно сказать, ведущее место. В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» писал, что многочисленные течения «новой» буржуазной философии не отличаются существенно друг от друга в решении коренных философских вопросов: все они представляют собой лишь различные вариации на одну и ту же идеалистическую тему, все они являются более или менее утонченными, рафинированными проявлениями религиозного взгляда на мир. Неотомизм отличается от всех этих реакционных течений разве только тем, что он откровенно выражает эту теологическую суть современной буржуазной философии. Это не академическая, университетская философия, известная лишь узкому кругу специалистов. Это и не обычная модная философская система, получившая кратковременное признание. Неотомизм — официальная философская доктрина католицизма, под прямым или косвенным влиянием которой в большей или меньшей мере находятся миллионы людей во всех частях земного шара и особенно в странах, где преобладает католическое вероисповедание.

Конечно, не все католики являются приверженцами неотомизма. Большинство из них не примыкает сознательно к какому-либо философскому направлению.

Однако несомненно, что все они постоянно подвергаются воздействию неотомистских идей, которые католическая церковь проводит в массы через огромную армию духовенства, воспитанного и постоянно воспитываемого в духе неотомизма — «государственной» философии Ватикана.

Неотомистская философия преподается во всех католических учебных заведениях¹. Издаются десятки неотомистских философских журналов и сотни книг.

Важнейшими центрами неотомизма следует считать Францию, США, Италию. Весьма значительно влияние неотомизма также в Испании, Бельгии, Австрии, латиноамериканских странах. Поскольку распространение неотомизма вызвано отнюдь не религиозными, а социально-экономическими причинами, эта философия становится влиятельной идеологической силой и в странах, где преобладает не католическое, а протестантское вероисповедание. Достаточно указать на США, где католики составляют незначительную долю в населении. Неотомизм и католическая пропаганда в целом имеют успех в буржуазных, а частью также и в мелкобуржуазных кругах этой страны.

Ведущие философские журналы неотомистов — американские журналы «The New Scholasticism» («Неосхоластицизм»), «Thought» («Мысль»), «Thomist» («Томист»), бельгийский журнал «Revue philosophique de Louvain» («Лувенское философское обозрение»), итальянский журнал «Rivista di filosofia neo-scholastica» («Обозрение неосхоластической философии»). Главными представителями неотомистской философии в настоящее время являются: французы Ж. Маритэн, Э. Жильсон; американцы П. Д. Райян, И. С. Гаррингтон, В. Бурке; итальянцы Д. Дзамбони, Ф. Ольджати, У. Падовани; австриец Г. Веттер.

Основной задачей неотомизма, как и всей католической идеологии в целом, является борьба против социа-

¹ Известный немецкий буржуазный ученый И. Гофмейстер в своем «Словаре философских понятий» следующим образом определяет **неотомизм**: «Вменяемое в обязанность всем католическим преподавателям теологии и философии обновление томизма». Далее Гофмейстер указывает на папскую энциклику 1879 г. и послания 1910 и 1931 гг., утверждающие неотомизм как официальную философскую и теологическую доктрину католицизма (*J. Hoffmeister, Wörterbuch der philosophischen Begriffe, zweite Auflage, Hamburg 1955, S. 432*).

лизма и его научной идеологии — марксизма-ленинизма, защита капиталистического строя. Еще в конце прошлого века видный католический деятель А. Канненгисер писал: «Ничто не в силах оказать сопротивления могущественному наступлению социализма, ничто, кроме католицизма»¹. С тех пор, как были написаны эти слова, в нашей стране, а затем и в ряде других стран капиталистические общественные отношения были уничтожены. Эти страны составили могучий социалистический лагерь, ныне насчитывающий более 900 млн. человек населения.

Через 20 лет после победы Великой Октябрьской социалистической революции папа римский Пий XI в своей энциклике «*Divini Redemptoris*» писал, что «самая неотложная задача современности — это энергично применять соответствующие действенные средства, чтобы преградить путь революции». И неотомисты следуют предписаниям своего владыки. Можно сказать без всякого преувеличения, что одни только представители неотомистской философии опубликовали больше книг и статей против диалектического и исторического материализма, чем все другие буржуазные философы, вместе взятые. За последние семь-восемь лет неотомистские философы выпустили более десятка толстых книг, посвященных «разбору» философского учения Маркса, Энгельса, Ленина. В Риме специально для борьбы против марксизма-ленинизма создан неотомистский Русский колледж. Состоявшийся осенью 1955 г. в Риме конгресс томистов, организованный понтификальной Академией Фомы Аквинского, был прежде всего посвящен борьбе против диалектического материализма. Перед участниками конгресса была поставлена задача — доказать, что диалектический материализм не соответствует данным современной науки, особенно физики. Участники конгресса, идеалистически истолковывая современные физические теории, пытались доказывать, что эти теории якобы опровергают материализм и подтверждают идеалистическое учение, созданное «святым» Фомой. В специальном докладе о диалектике утверждалось, что диалектика принципиально несовместима с материализмом, имеет отношение лишь к сфере духовного, а марксистский материализм-де не отличается от механистического материализма XVII—XVIII вв.

¹ A. Kannengieser, Catholiques allemands, Paris 1893, p. 52.

Возрождая философское и социологическое учение средневековья, неотомисты утверждают, что они проповедуют мировоззрение, наиболее соответствующее общественным потребностям современной эпохи. При этом они даже объявляют себя противниками капитализма. Это показывает, что неотомисты не являются столь откровенными апологетами капиталистического устройства общества, как иные защитники капитализма. Столь же далеки они от прямого, открытого провозглашения своих действительных взглядов и в других вопросах. Так, например, обосновывая с помощью всевозможных идеалистических аргументов традиционное религиозное миропонимание, неотъемлемым элементом которого является фидеизм, т. е. учение, ставящее религиозную веру выше разума, науки, неотомистские теоретики выдают себя за приверженцев рационализма и решительных противников фидеизма. Фидеизм официально осужден Ватиканом как учение, якобы не согласующееся с католическим мировоззрением, согласно которому между правильно мыслящим разумом и религиозной верой противоречия принципиально невозможны. Но, отвергая откровенный фидеизм, прямо указывающий на противоречия между наукой и религией, неотомисты проповедуют замаскированный фидеизм, рассматривающий религию как высшую ступень познания действительности, которая якобы лишь ограниченно постигается наукой. Таким образом, неотомисты (и это главное для понимания их учения) не относятся к тем идеологам современной буржуазии, которые выступают с открытым забралом. Они прямо и откровенно выступают в защиту религиозного миропонимания. Однако их борьба против науки, так же как и пропаганда буржуазной идеологии, носит замаскированный характер. И это привлекает к неотомизму значительные массы католиков, не видящих внутренней лживости и реакционности этого философского учения.

Для того чтобы правильно понять и оценить сущность неотомизма как официальной философской идеологии католицизма, следует учесть, что Ватикан — это не просто руководящая верхушка католической церкви и резиденция ее главы — римского папы. Это один из центров империалистической реакции.

Империализм подчинил себе католицизм, протестантизм, мусульманство, иудаизм и другие религии и церкви,

освящающие капиталистический гнет. Однако среди всех современных религий католицизм и его руководящий центр — Ватикан является наиболее влиятельной и надежной идеологической опорой империализма в капиталистических странах Европы и Америки.

Ватикан располагает громадными капиталами, значительная часть которых вложена в американские банки; он непосредственно и через подставных лиц эксплуатирует тысячи рабочих на предприятиях Франции, Италии, Испании, стран Латинской Америки и т. д. Официальные представители Ватикана имеются в большинстве капиталистических стран, официальная и неофициальная агентура Ватикана охватывает все буржуазные государства и их колонии.

В США, где число номинальных католиков не превышает 32 млн., имеется 33 католических архиепископа, 164 епископа и не менее 45 тысяч католических попов. До сих пор Ватикан публикует списки запрещенных папой книг. Сотни газет, журналов и других изданий католической церкви ведут ежедневную пропаганду реакционнейших антидемократических идей. И по сей день при Ватикане существует орден иезуитов, требующий от своих членов «принесения в жертву разума», абсолютного и беспрекословного повиновения «без единой мысли или вопроса о целях или последствиях совершаемого». Как пишет немецкий философ-марксист Г. Клаус в своей книге «Иезуиты, бог, материя», орден иезуитов «насчитывает более 300 тыс. членов. Он располагает громадными денежными средствами и пользуется широкой поддержкой американских империалистов. Ему принадлежит 15 университетов, свыше 400 институтов, в которых обучается около 150 тыс. человек, тысячи школ, сотни газет и журналов. Под опекой ордена находятся «духовные организации», насчитывающие более 5 млн. членов»¹.

Известно, что в 1929—1930 гг. Ватикан провозгласил «крестовый поход» против СССР. Папа римский всячески поощрял и благословлял Гитлера и Муссолини, освящал фашистские зверства внутри Германии и Италии и фашистский империалистический разбой на внешней арене. В начале 40-х годов Ватикан призывал США и Англию

¹ G. Klaus, Jesuiten, Gott, Materie, Berlin 1957, S. 18.

поддержать нападение гитлеровских полчищ на Советский Союз. После разгрома гитлеровской Германии и империалистической Японии папа римский призывал к милосердию по отношению к организаторам Освенцима, Майданека и других лагерей смерти.

В послевоенные годы Ватикан зарекомендовал себя в качестве заклятого врага народно-демократических государств и подстрекателя новой империалистической войны. В 1951 г. римский папа издал специальную энциклику против демократического Китая. В том же году в Ватикане состоялся так называемый Всемирный конгресс мирского апостолата, направленный против Советского Союза и народно-демократических стран. Судебный процесс кардинала Миндсенти в Венгрии, разоблачение шпионов и диверсантов — агентов Ватикана в Польше, Румынии, Чехословакии, Китае, Албании и в других странах наглядно свидетельствуют о том, что Ватикан, не ограничиваясь пропагандой, активно участвовал в организации контрреволюционных заговоров с целью уничтожения народно-демократического строя, созданного трудящимися в ряде стран Европы и Азии. Известно, что в дни контрреволюционного мятежа в Венгрии в 1956 г. ставленники Ватикана вместе с фашистскими громилami выступили в качестве организаторов кровавых злодеяний.

Ватикан является злейшим врагом дела мира, демократии, социализма, как и всякого прогрессивного дела вообще. Так, в 1949 г. Пий XII своим декреталием (указом) фактически запретил католикам участие в движении сторонников мира, объявив это движение «коммунистической пропагандой», и угрожал его участникам отлучением от церкви. Тем не менее миллионы католиков участвуют в движении сторонников мира, которое не в силах остановить никакие указы Ватикана. Среди руководящих деятелей движения сторонников мира имеются отдельные представители католического духовенства. Ряд польских, венгерских и других католических священников решительно выступает против политической линии Ватикана.

Пий XII публично осуждал предложения, направленные на запрещение атомной бомбы. Правда, в последние годы, когда полностью обнаружилось, что агрессивные империалистические силы не обладают превосходством

в области термоядерного оружия, Пий XII начал выступать с примирительными речами, призывая к отказу от применения атомного и водородного оружия. Однако лицемерный, фальшивый характер этих примирительных речей и призывов обнаруживается хотя бы в том, что одновременно утверждается, будто бы Советский Союз и страны народной демократии угрожают миру. Что же касается действительно агрессивных, империалистических сил, то Ватикан объявляет их поборниками мира. Ватикан поддерживал лисынмановцев и американских интервентов в Корее, именуя этих агрессоров «крестоносцами». Не случайно и то, что ватиканские пропагандисты всячески поносили вьетнамских католиков, выступивших против французских империалистов. Само собой разумеется, что Ватикан не осудил империалистической агрессии против Египта и других арабских стран. Такова реальная цена миролюбивой фразеологии ватиканских пропагандистов.

Вдохновляемые Ватиканом, католические партии Франции, Италии, Австрии, Западной Германии, Бельгии проводят антинародную, антидемократическую политику, подавляя демократические права трудящихся, усиливая гонку вооружений и холодную войну.

Однако было бы ошибкой рассматривать Ватикан как некую самостоятельную силу, проводящую независимую политику. Это карликовое «государство» (помещающееся на территории в 44 га) является не более как проводником империалистической реакции, послушным агентом империализма в массе трудящихся-католиков. Ватикан, в сущности прозябавший в период, когда капитализм развивался по восходящей линии, вновь за последние 50 лет выступил на авансцену истории именно благодаря переходу капитализма в стадию загнивания, умирания. Это средневековое учреждение приобрело вполне «современное» значение только потому, что сама буржуазия стала «средневековой». Весьма характерно, что не кто иной, как Муссолини предоставил Ватикану «государственную независимость», которой его лишил в 1870 г. итальянский народ.

Истинную роль Ватикана как орудия империалистической реакции довольно ярко характеризует следующая небольшая деталь: в 1950 г. Пий XII решением съезда американских полицейских был награжден медалью

«почетного полицейского Нью-Йорка и Чикаго». Именно роль полицейского на идеологическом фронте классовой борьбы предназначена Ватикану современными империалистическими правителями. Отсюда ясно, что то особое место, которое занимает неотомизм среди современных буржуазных философских направлений, не может быть объяснено одним лишь влиянием Ватикана: последнее само нуждается в объяснении. Все дело в том, что современный капитализм переживает смертельный кризис; в этом коренятся причины возрождения средневекового обскурантизма в современной буржуазной философии и социологии.

Если в конце XIX в. буржуазия выдвинула лозунг «Назад, к Канту», то теперь она требует идти еще дальше в этом обратном направлении. «Назад, к Фоме Аквинскому» — таково ныне требование империалистической буржуазии, формулируемое ее штатными философами.

Реакционно-утопическая проповедь возвращения к средневековью и ее действительный социальный смысл

Страх перед будущим является характерной особенностью современной буржуазной идеологии. «Мы чувствуем себя так, как будто почва уходит из-под ног»¹, — говорит известный западногерманский философ-иррационалист К. Ясперс. Он вполне сознает реальные причины той критической «пограничной ситуации», которую переживает буржуазия. «Массы стремятся изменить, коренным образом обновить мир, сделать его справедливым, гармоничным, счастливым»², — говорит Ясперс. Однако борьба трудящихся капиталистических стран за человеческие условия жизни представляется Ясперсу бессмысленно утопической. Лишь немногие, по его мнению, могут жить действительно человеческой, свободной от всякого гнета жизнью. Тем не менее и Ясперс вынужден признать, что уже невозможно сохранить все по-старому, неизбежны коренные социальные изменения. Если всего лет 50 назад буржуазные идеологи могли еще утверждать,

¹ К. Jaspers, Die geistige Situation der Zeit, Berlin—Leipzig, 3 Auflage, 1932, S. 5.

² К. Jaspers, Die Idee der Universität, Berlin 1923, S. 31.

что капитализм будет существовать всегда, то теперь подобные утверждения опровергаются фактом существования мировой социалистической системы. Вопрос о социализме поставлен общественно-историческим развитием на повестку дня и в странах капиталистического лагеря. Удивительно ли, что современная империалистическая буржуазия страшится будущего, мечтает повернуть историю вспять, возродить мрачные времена средневековья?

В. И. Ленин в статье «Отсталая Европа и передовая Азия» писал, что империалистическая буржуазия, «из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство»¹.

Давно прошли те времена, когда буржуазия отстаивала гражданские права, национальный суверенитет и национальную независимость. Ныне буржуазия выбросила за борт знамя буржуазно-демократических свобод, она растоптала принцип равноправия людей и наций. Речь теперь идет о возрождении всего того, против чего в пору своей исторической молодости боролась сама буржуазия. Поворачивая вспять, идеологи буржуазии отрекаются от прогрессивных традиций своего исторического прошлого. Они гальванизируют лишь наиболее реакционные, человеконенавистнические идеи прежних эксплуататорских классов. «Назад, к средневековью» — так коротко может быть сформулирован лозунг дня современной буржуазии.

Некоторые буржуазные ученые утверждают, что чрезмерный интерес к средневековью, ставший буквально поветрием в современной буржуазной философии, социологии, историографии, объясняется тем, что в прошлом, в XVII—XVIII вв., в эпоху борьбы с феодализмом, буржуазные мыслители целиком отрицали историческое значение и ценность средневековой культуры, и теперь настало время восстановить истинное положение вещей. Но вместо объективной оценки средневековой эпохи, ее экономики и культуры эти ученые преподносят своим читателям грубую идеализацию феодальных порядков.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 77.

Феодальная эпоха изображается чуть ли не земным раем, который был людьми утерян вследствие разлагающего действия материализма и атеизма. На почве идеализации средневековой идеологии и возник неотомизм.

Ярким примером такой идеализации может служить двухтомный труд известного западногерманского историка философии Грабмана «История схоластического метода», в котором обстоятельнейшим образом «доказывается», что схоластика и для нашего времени является во многом недостижимым образцом строго научного, логического исследования труднейших теоретических вопросов.

Умерший несколько лет тому назад лидер американской буржуазной философии Д. Дьюи восхищался средневековьем как такой общественной системой, которая якобы сводила на нет все социальные конфликты. Дьюи извращал историю: крестьянские войны против помещиков наглядно опровергают его утверждения. Однако средневековье не знало, конечно, пролетарского освободительного движения, несущего уничтожение капиталистическому и всякому вообще социальному угнетению. Этим-то и привлекают средневековые порядки современных идеологов буржуазии.

Общеизвестно влечение фашистов к средневековью. «Новый порядок», провозглашавшийся Гитлером, представлял собой не что иное, как сочетание империалистического варварства с возрожденным варварством средневековья. Не случайно поэтому, что и в настоящее время некоторые фашиствующие буржуазные историки восхваляют испанское средневековье как «золотой век Испании», мечтая о возрождении «священной» инквизиции с помощью «метода Франко».

В своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин всесторонне раскрыл реакционную сущность новейших буржуазных философских течений, показав, что последним словом буржуазной философии конца XIX и начала XX в. является фидеизм — учение, подчиняющее разум вере и, следовательно, солидаризирующееся в конечном итоге со средневековым представлением об отношении науки и религии.

Характеризуя философию так называемых имманентов, доказывающих, что все существующее неотделимо от сознания, внутренне присуще ему, Ленин говорил, что

это — «цельные в своем мракобесии люди». И далее: «Нет ни одного из них, который бы не подводил открыто своих наиболее теоретических работ по гносеологии к защите религии, к оправданию того или иного средневековья»¹. Философские концепции махистов, имманентов и других субъективных идеалистов Ленин характеризовал как *гносеологическую схоластику*, подчеркивая тем самым их идейное родство со средневековой философией. Все эти положения Ленина, относящиеся к буржуазной философии конца XIX и начала XX в., в еще большей мере могут быть отнесены к современным реакционным философским теориям империалистической буржуазии.

Известно, что буржуазная философия рождалась в борьбе против средневековой схоластики. Великий английский материалист Ф. Бэкон сравнивал схоластику с девой, посвященной богу: она бесплодна. Прогрессивный итальянский мыслитель XVI в. Д. Бруно (сожженный инквизицией в 1600 г.) именовал схоластов «бездельниками, педантами, жуликами, шутами, шарлатанами». Великий французский материалист П. Гольбах осмеивал схоластику как «искусство аргументировать словами, придуманными для затемнения понятий».

Ныне времена изменились. Если в XVII—XVIII вв. буржуазия выступала против унижительного положения философии как служанки богословия, то в настоящее время реакционные буржуазные философы объявляют служение поповщине важнейшим призванием философии.

Давно минули те времена, когда буржуазные идеологи выступали под знаменем материализма. В современных капиталистических странах, как справедливо указывает прогрессивный английский социолог А. Робертсон, почти вся пресса является религиозной прессой, повторяющей «снова и снова как факты, слишком хорошо известные, чтобы нуждаться в каком-либо доказательстве, во-первых, что материализм является дискредитированным и разбитым старомодным предрассудком и, во-вторых, что материализм является причиной всех зол, приносящих нам страдание, и он может привести к разрушению цивилизации, если не препятствовать его дальнейшему распространению»².

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 199.

² А. Робертсон, Рационализм в теории и на практике, ИЛ, М. 1958, стр. 46.

Прогрессивные буржуазные мыслители XVII—XVIII вв. доказывали, что разум всемогущ и познание действительности не знает непреодолимых пределов. Современные буржуазные философы, напротив, утверждают, что разум обанкротился, в мире господствуют неразумные, иррациональные силы и познание окружающей нас действительности и невозможно, и не нужно. Известный французский философ-иррационалист А. Бергсон, выражая эту антиинтеллектуалистскую средневековую тенденцию современной буржуазной философии, утверждал, что религия является «оборонительной реакцией природы против разлагающей силы разума»¹. Прагматисты, «критические реалисты» и другие представители современной буржуазной философии доказывают, что религия — неотъемлемая составная часть общечеловеческого опыта. Сопоставляя религиозный «опыт» с действительным опытом, который основан на чувственном восприятии внешнего мира, на практической проверке этих восприятий, некоторые современные идеалисты заявляют, что религия нисколько не противоречит опыту. Эти «открытия» основаны на субъективно-идеалистическом истолковании опыта как внутреннего, якобы независимого от внешнего мира переживания субъекта. Несостоятельность этого субъективистского понимания опыта была вскрыта В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме», т. е. 50 лет тому назад.

Американские и английские неореалисты, утверждающие, что они признают объективную, независимую от сознания человека реальность, но отрицающие ее материальный характер, возрождают средневековый «реализм», согласно которому общие понятия существуют не в человеческой голове, а в каком-то потустороннем, божественном мире, предшествуя чувственно воспринимаемым единичным вещам и порождая последние. Неореалист Монтегю говорит о «великом реализме в духе Фомы Аквинского», хотя ему и не нравится католическая ортодоксия этого мыслителя.

Уже упоминавшийся выше западногерманский философ-идеалист К. Ясперс рассматривает религию как

¹ *H. Bergson, Les deux sources de la morale et de la religion, Paris 1932, p. 127.*

основу философии, определяя последнюю не как знание, а как разновидность веры, не противоречащей разуму. Он прямо заявляет, что религия — философия для простого народа, ввиду чего «философия должна одобрить религию по меньшей мере как действительность, которой она обязана своим существованием»¹.

Это откровенное заявление К. Ясперса, одного из наиболее рекламируемых современных буржуазных философов, весьма симптоматично: оно свидетельствует о том, что в борьбе против марксизма и его философии реакционные буржуазные идеологи пропагандируют в качестве «философии» для народа религиозное учение, подновленное «новейшей» идеалистической аргументацией. Религия, употребляя выражение известного американского буржуазного философа Д. Сантаяны, необходима империалистической реакции как «выхлопной клапан», предупреждающий взрыв народного возмущения против капиталистического гнета.

Г. Клаус в своей книге, разоблачающей неотомистскую фальсификацию диалектического материализма, правильно показывает, что привлекает современную буржуазию в неотомизме: «В чем сегодня нуждается буржуазия, так это в философии, теснейшим образом связанной с религией, понятной в силу своей несложной терминологии широкому кругу людей и оправдывающей самые жесткие формы эксплуатации, без которых умирающий капитализм не может существовать. Такой философией как раз и является неотомизм»².

В эпоху средневековья религия была господствующей формой общественного сознания, а философия являлась служанкой религии. Современные реакционеры мечтают о возвращении этого, по их мнению, благодатного времени, когда религия охватывала все сферы общественной и личной жизни, сковывала человека по рукам и по ногам. Это значит, что буржуазия надеется сохранить свое господство, в частности, также и с помощью превращенной в основную форму общественного сознания религии.

Если буржуазия XVII—XVIII вв. противопоставляла средневековому мракобесию науку, просвещение, то со-

¹ К. Jaspers, *Rechenschaft und Ausblick*, München 1951, S. 359.

² G. Klaus, *Jesuiten, Gott, Materie*, S. 23.

временная буржуазия стремится противопоставить науке, просвещению средневековый мистицизм, сделать религию главной и по возможности единственной духовной пищей масс. В этой связи понятны утверждения английского буржуазного социолога и историка А. Тойнби, что религия является якобы глубочайшей основой всех исторически существовавших форм общества, а католицизм — основой «западной цивилизации». Вывод, к которому приходит Тойнби, также не блещет оригинальностью: только религия, говорит он, может принести спасение человечеству. Но, говоря о человечестве, Тойнби в сущности имеет в виду капиталистический строй, буржуазную культуру. Соответственно этому социальным идеалом Тойнби является универсальная, космополитическая христианская теократия, т. е. политическое господство церкви во всемирном масштабе.

Таким образом, реакционная утопия возвращения к средневековью отражает вполне реальные интересы современной империалистической буржуазии. Последняя, конечно, понимает, что восстановление средневекового экономического и политического строя в полном смысле этого слова невозможно. Она лишь стремится использовать весь арсенал реакционных идеологических средств, созданных феодализмом, чтобы обосновать, оправдать, укрепить капиталистическое закрепощение трудящихся, чтобы опорочить в глазах трудящихся масс идеологию и практику научного социализма. Это значит, что религиозное изуверство, культивируемое буржуазными философами, целиком и полностью подчинено практической политической задаче буржуазии. Эту задачу весьма определенно сформулировал американский кардинал Спеллман, являющийся доверенным лицом и Ватикана и Уолл-стрита. Спеллман заявил, что все, «кто верит в Америку и бога», должны включиться в крестовый поход против коммунизма.

Совершенно очевидно, что болезненное влечение к средневековью, идеализация средневековых порядков, реакционная проповедь попятного движения к исторически изжитым общественным отношениям отражают общий кризис капиталистической системы и буржуазного общественного сознания. Этот кризис особенно очевиден на фоне гигантских достижений СССР и других стран социалистического лагеря. Обстановка в капиталистиче-

ском мире характеризуется нарастанием глубоких противоречий. «Что бы ни делали капиталистические государства, они не могут уничтожить причину кризисов. Капитализм не в силах избавиться от мертвой хватки собственных противоречий, они продолжают накапливаться и углубляться, грозя новыми экономическими потрясениями. Налицо дальнейшее углубление общего кризиса капитализма, который усилился в результате коренного изменения соотношения сил между мировой системой социализма и мировой системой капитализма, в результате распада колониальной системы и обострения социальных противоречий в капиталистических странах»¹.

Однако идеологи империализма пытаются изобразить дело так, будто бы не капитализм, а все человечество переживает кризис, будто бы смертельная угроза нависла не над капиталистическим строем, а над человеческой жизнью вообще. Отсюда антиинтеллектуализм, принижение разума, иррационалистический страх перед будущим, воинствующий агностицизм и другие характерные черты современной буржуазной философии. «Последним словом буржуазной философии,— говорит П. Тольятти,— является отчаяние... Исчезла гордая вера человека в творческую силу его разума и в прогресс. Всплывают на поверхность старые идолы, обветшалые суеверия. Эта атмосфера скептицизма, отречения, разложения проникает во все области интеллекта, во все сферы нравственной жизни»².

Таким образом, увлечение современных буржуазных философов и социологов средневековьем, их стремление найти выход из кризиса, переживаемого капитализмом, на путях попятного движения — не случайное, а закономерное явление. Общие черты и тенденции этого закономерного процесса идейного распада буржуазного общественного сознания эпохи империализма наиболее рельефно и убедительно выражает неотомизм. И в этом одна из главных причин его распространения и влияния в буржуазном мире.

¹ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, М. 1959, стр. 73.

² См. «За прочный мир, за народную демократию!», 21 декабря 1951 г.

Неотомизм — возрождение средневековой философии Фома Аквинского

Характерной особенностью буржуазной философии второй половины XIX и первой половины XX в. является ее резко выраженный эпигонский характер. Махисты, эмпириокритики, как показал В. И. Ленин, пересказывали, пережевывали учение субъективного идеалиста Беркли и агностика Юма, неокантианцы возрождали реакционные стороны философии Канта и т. д. Неотомизм является идейным преемником учения виднейшего ортодоксального представителя схоластической философии и теологии XIII в. Фомы Аквинского (1225—1274).

Известно, что схоластика, т. е. господствовавшая в средневековых школах официальная религиозно-идеалистическая философия, «доказывала» с помощью логических аргументов бытие бога, бессмертие души, существование загробной жизни, вечность общественного неравенства и т. п. Фома Аквинский разработал наиболее утонченную систему схоластической философии, строго придерживающуюся догматов католицизма и объединяющую воедино все средневековые религиозные и «теоретические» аргументы в защиту священного писания, бытия бога и господства эксплуататорских классов. Если, например, Тертулиан, один из ранних идеологов христианства, утверждал: «Верю, потому что абсурдно», отрицая тем самым возможность разумного, логического обоснования религиозной веры, то Фома Аквинский объявляет разум помощником религии. В XIII в., в эпоху развитого феодального общества, уже нельзя было так безапелляционно отвергать разум, логические доказательства, здравый смысл, как это делал в начале нашей эры Тертулиан. Ведь еще за два столетия до «ангельского доктора» (так называли Фому Аквинского) выдающийся представитель ранней схоластики П. Абеляр писал, что утверждениям священного писания следует верить лишь постольку, поскольку они согласуются с человеческим разумом, не противоречат ему. И хотя субъективно Абеляр стремился согласовать католические догмы с разумом, тем не менее на деле он лишь подчеркнул непримиримое противоречие между ними. Это противоречие еще до Абеляра отмечал арабский поэт Абуль Аллы Альмары, писавший, что «на свете теперь имеется два рода

людей: у одних есть разум и нет веры, у других есть вера, но нет разума»¹.

Фома Аквинский решительно выступил против этого противопоставления веры и разума, подрывающего религию. По учению «святого» Фомы, догмы священного писания, хотя и превосходят человеческую способность разумения, должны рассматриваться не как противоразумные (противоречащие разуму), а как сверхразумные, ибо они имеют своим источником божественное откровение. Такого рода воззрение, несомненно, более подходит для современного католицизма, чем откровенное отрицание разума. Исторический опыт показал, что абсолютное противопоставление веры разуму приводит к подрыву религии, так как подчеркивает неразумность, бессмысленность религиозных догматов.

Известно также, что Фома Аквинский «обработал», извратил в духе требований католицизма учение великого античного мыслителя Аристотеля. Аристотель колебался между материализмом и идеализмом, между диалектикой и метафизикой. Фома Аквинский вслед за своим учителем Альбертом Большетедтским выбросил из учения Аристотеля его материалистические и диалектические идеи, в частности положение о вечности материи. Фома привнес в его учение чуждые великому греческому мыслителю христианские догмы, которые придали языческому аристотелизму вполне христианский вид. Иначе говоря, «святой» Фома соединил Аристотеля с учением «отцов» христианской церкви, в частности с теорией Августина о существовании двух миров: посюстороннего (земного) и потустороннего (загробного). Обработанное таким образом учение Аристотеля, превращенное в безжизненную схоластическую систему, перестало быть опасным для католицизма; если раньше преподавание учения Аристотеля было запрещено, то теперь оно стало официальной философской доктриной позднего средневековья. «Схоласты,— говорил Маркс,— использовали Аристотеля, до того времени «считавшегося самым опасным врагом средневековой веры», как своего надежнейшего союзника»².

¹ См. G. Weil, Geschichte der Chalifen, Bd. III, Mannheim 1851, S. 72.

² «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, 1946, стр. 344.

Еще в XVII в. передовые буржуазные философы выступили против схоластического культа Аристотеля, препятствовавшего развитию науки и философии. Известный французский философ-материалист П. Гассенди писал, что «лишь тот считается у аристотеликов наиболее образованным, у кого голова наиболее туго набита текстами Аристотеля, кто наиболее часто прибегает к нему, как к якорю спасения...»

Наука и философия XVII в. опрокинули культ схоластизированного Аристотеля и вместе с ним также и культ «святого» Фомы.

Неотомисты, так же как и их учитель, объявляют себя продолжателями Аристотеля. Они широко используют основные понятия его философии, схоластически обработанные, выхолащенные Фомой Аквинским. К чему это приводит в философии, ярко показывает А. Тонди, бывший иезуит, порвавший с католицизмом и перешедший на сторону прогрессивных сил. В своей книге «Иезуиты» А. Тонди со знанием дела разоблачает бессодержательность неосхоластических философских умозрений. Неотомисты, указывает он, называют сущностью то, благодаря чему нечто является тем, что оно есть. Соответственно этому человеческая сущность определяется как «нечто живое, наделенное разумом». Живое в свою очередь оказывается тем, «что живет» или содержит в себе «жизненное начало». Последнее, далее, характеризуется как душа, которая называется «первым началом жизни»¹. А. Тонди правильно показывает, что эти схоластические определения понятий совершенно лишены конкретного содержания и ничем по существу не отличаются от того объяснения свойства опиума усыплять человека, которое утверждает, что опиум обладает усыпляющей силой. Также бессодержательны и утверждения неотомистов о том, что существование в природе различных вещей объясняется наличием в ней различных степеней совершенства. С этой точки зрения явления природы ограничены

¹ Впрочем, недалеко от неотомистов ушел «Краткий оксфордский словарь», в котором утверждается, что душа — «нематериальная сторона человека», составляющая «его жизненный источник» (см. Pocket Oxford Dictionary, 1942, p. 794). Эти определения наглядно говорят о том, как далеки от современного естествознания идеалистические религиозные представления о «нетленной» душе, якобы независимой от тела, а следовательно, и от мозга.

вследствие присущего им «ограничивающего начала». Последнее называется потенцией (возможностью), которая в свою очередь определяется как способность к совершенствованию. В отличие от всего земного бог представляет собой «высшее неограниченное совершенство». Таков, как показывает А. Тонди, дух неотомистского, схоластического «доказательства», оторванного от реального исследования, опыта, практики, жизни. И правильно говорит А. Тонди: «Наука идет вперед, католическая философия стоит на месте, она застыла на Аристотеле и Фоме Аквинском. Она замерла на этом. Если кто-нибудь пытается побудить ее к развитию, ему приходится плохо: его проклинают, преследуют, наказывают»¹.

Неотомисты рассуждают так, как будто бы со времени Фомы Аквинского наука не сделала никаких приобретений, в полном убеждении, что «святой» философ разрешил все вопросы науки задолго до того, как они перед ней встали. Жизнь, рассуждают неотомисты, есть «свойство, позволяющее какой-либо субстанции двигаться самостоятельно». Такое общее, абстрактное определение имело некоторое оправдание во времена Аристотеля, более 2 тыс. лет тому назад, когда биологии как науки еще не было. Но в наше время, когда жизнь как форма обмена белковых веществ изучается специальными науками, такое определение жизни может быть лишь примером бессодержательного схоластического суесловия.

Современная наука глубоко исследовала психические процессы, установила их специфические особенности. Здесь прежде всего следует указать на выдающиеся открытия Сеченова и Павлова, вскрывших основные закономерности высшей нервной деятельности. Однако неотомисты, хотя и разглагольствуют о своей приверженности науке, совершенно пренебрегают выводами современной физиологии и психологии, ибо эти выводы ведут к философскому материализму. Повторяя аргументацию своих средневековых учителей, они продолжают «доказывать» бессмертие души, обосновывают один из основных догматов христианства. Душа, утверждают они, — это «начало, сообщающее жизнь телесному существу». Но как понять сие начало, благодаря которому тело обладает жизнью? «Это, — сообщает нам неотомист, — субстанцио- ✓

¹ А. Тонди, Иезуиты, ИЛ, М. 1955, стр. 185.

нальная форма живого тела». А что такое субстанциональная форма живого тела? «Субстанциональная форма,— отвечает неотомист,— есть действующее начало тела». Так, переливая из пустого в порожнее, нанизывая одно искусственное определение на другое, неосхоластическая философия наглядно демонстрирует свое теоретическое банкротство, свою враждебность науке, которую она всячески пытается привлечь на свою сторону.

Но что могут дать науке эти бессодержательные схоластические понятия «совершенства», «акта», «потенции» и т. д.? Что может дать науке «классическое», данное Фомой Аквинским определение понятия «движения» как «акта, сущего в потенции, поскольку оно в потенции»? Ровно ничего.

Следует, однако, отметить, что вышеприведенные рассуждения, типичные для неотомистских учебников, характеризуют лишь одну сторону неотомистской философии — ее неразрывную связь со средневековой схоластикой и присущей последней умозрительной аргументацией. Но, если бы неотомизм оставался в пределах этих схоластических понятий, определений, аргументов, он, конечно, не имел бы сколько-нибудь серьезного влияния даже в среде католиков. Именно поэтому неотомисты, не ограничиваясь схоластическими мудрствованиями, обращаются, как мы увидим дальше, к актуальным вопросам общественной жизни и естествознания. Однако при этом они, как верные последователи своего «святого» родоначальника, постоянно ссылаются на него, «согласовывают» с ним те новые выводы, от которых был бесконечно далек католический мыслитель XIII в. Все это, конечно, приводит ко всякого рода противоречиям, которых неотомизм не может избежать, поскольку он выдает средневековую схоластику за последнее слово современной науки и философии.

Отношение неотомистов к своему первоучителю представляет собой один из наиболее ярких примеров реакционного идеалистического культа личности. Фома Аквинский буквально объявляется сверхъестественной личностью, которой чуть ли не сам бог открыл все философские истины. Ж. Маритэн утверждает, что Фома Аквинский предвосхитил постановку и разрешение всех современных философских и социально-политических вопросов. Это, уверяет Маритэн, «апостол новых времен»,

«святой разум», являющийся «пророком, предназначенным для грядущих веков». Назначение неотомизма с этой точки зрения заключается лишь в распространении, разъяснении созданного Фомой философского евангелия. «Людям сегодняшнего дня,—говорит Маритэн,—назначено подготовить появление его мудрости в культуре и его гуманизма в обществе»¹.

Всячески идеализируя своего учителя, неотомисты изображают учение Фомы Аквинского в виде высшего теоретического синтеза, составляющего якобы идейную основу интеллектуального развития европейских народов.

Послушаешь неотомистов, и окажется, что «святой» Фома открыл вечные общечеловеческие идеалы, обосновал принцип причинности, объединил крайности рационализма и эмпиризма, обосновал гармонию между субъектом и объектом, верой и разумом, волюнтаризмом и интеллектуализмом, предвидел... открытие атомной энергии и т. д. и т. п. Нетрудно видеть, что, по мнению неотомистов, учение Фомы Аквинского представляет собой раз навсегда установленную систему абсолютных истин в последней инстанции. Это наивное и несостоятельное с точки зрения современной науки представление неотомистов неизбежно вытекает из всей системы католицизма. «Истина едина и абсолютна,—говорится в изданной Ватиканом «Католической энциклопедии»,—католическая церковь, и только она, обладает всей истинностью религии. Все остальные религии содержат различную степень истины, но только католическая церковь обладает *всей истиной*»². Наука утверждает, что таких окончательных учений, неизменных, не подлежащих дальнейшему развитию, обогащению, вообще не существует. Неотомисты же доказывают, что это относится лишь к положениям науки, поскольку в них воплощен ограниченный человеческий разум. И совершенно иное дело — учение «ангельского доктора», который был «сверхъестественным» философом. Это утверждение, согласно которому система томизма представляет собой окончательную истину в последней инстанции — истину, не нуждающуюся в дальнейшем развитии или проверке, наглядно говорит об антинаучном характере неотомизма.

¹ J. Maritain, De Bergson à Thomas d'Aquin, New York 1944, p. 269.

² См. А. Мэнхэттен, Ватикан, ИЛ, М. 1948, стр. 55.

В буржуазной философской литературе часто обсуждается вопрос: является ли неотомизм простым возрождением учения Фомы Аквинского или же представляет собой его дальнейшее развитие. Сами неотомисты находятся в затруднительном положении при обсуждении этого вопроса. С одной стороны, они утверждают, что Фома Аквинский предвосхитил и решил все философские проблемы, с другой стороны, совершенно несомненно, что в XX в. нельзя ограничиваться простым пережевыванием средневековой схоластики. Ярким примером такого рода двойственности является, например, книга известного швейцарского неотомиста Галлуса Мансера «Сущность томизма», автор которой, объявляя себя представителем «наиболее строгого томизма» и считая, что «архитектонический синтез», данный Фомой Аквинским в его учении, должен быть неприкосновенным, вместе с тем подчеркивает, что «томистская философия способна к прогрессу и относится к нему благожелательно»¹.

Уже упоминавшийся выше виднейший представитель неотомизма Ж. Маритэн категорически утверждает, что не существует ни нового, ни старого томизма, существует просто томизм. Маритэн явно старается представить учение «святого» Фомы в виде системы, независимой от исторических условий. Более реалистическую позицию в этом отношении занимает директор «Лувенского философского обозрения» Л. Реймекер, который решительно осуждает «палеотомистов, для которых развитие философии прекратилось 7 марта 1274 г. со смертью святого Фомы»². Впрочем, о действительном отношении неотомизма к средневековому томизму надо судить не по уклончивым заявлениям самих современных эпигонов Фомы Аквинского, а по тому, как на деле решают они коренные философские и общественно-политические вопросы.

Фома Аквинский был идеологом феодального строя, его нынешние эпигоны — идеологи империалистической буржуазии. Поэтому-то главным объектом неотомистской критики является научный социализм, марксистско-ленинская философия, социалистическое общество. Если Фома Аквинский обрабатывал в схоластическом духе физику

¹ Gallus M. Manser, Das Wesen des Thomismus, Freiburg in der Schweiz 1949, S. 95.

² «Revue philosophique de Louvain», t. 54, № 42, 1956, p. 213.

Аристотеля, то неотомисты фальсифицируют данные современного естествознания.

В средневековом томизме первостепенное место занимало истолкование священного писания и «рациональное» разъяснение содержащихся в нем фантастических рассказов. Так, например, в священном писании говорится об ангелах, которые посещали хижины бедняков, разделяли с ними их трапезу, ели их хлеб, пили их вино. Но ангелы ведь, согласно христианской религии, бестелесные существа, не имеющие ни пищевода, ни желудка. Таким образом, возникала схоластическая «проблема»: как бестелесные существа употребляют вполне вещественную пищу? Такого рода «проблемами» немало занимался Фома Аквинский. Нынешние преемники «святого» Фомы, как правило, хорошо понимают, что такого рода проблематика уже никого не интересует. Они поэтому оставляют в стороне многочисленные схоластические «проблемы» средневекового томизма, выдвигая на первый план вопросы теории познания, натурфилософии, социологии, т. е. те вопросы, которые ставятся современной наукой и общественно-историческим развитием.

Фома Аквинский доказывал, что послушание представляет собой «добродетель подданных». Он также обосновывал правомерность рабства, требуя от раба беспрекословного повиновения своему богом данному господину. Как ревностный доминиканец Фома Аквинский целиком и полностью оправдывал средневековую инквизицию, утверждая, что еретики, т. е. инакомыслящие, несогласные с католическим вероучением, еще более заслуживают смертной казни, чем, например, фальшивомонетчики: «Если фальшивомонетчиков, как и других злодеев, светские государи справедливо наказывают смертью, еще справедливее казнить еретиков, коль скоро они уличены в ереси...»

Эти идеи «святого» Фомы импонируют неотомистам, но вместе с тем они хорошо сознают, что в современную эпоху уже нельзя на старый, феодальный лад проповедовать подчинение неимущих имущим, эксплуатируемых — эксплуататорам. Ныне с трудящимися нельзя говорить по-старому, откровенным языком рабовладельца. Поэтому-то буржуазные идеологи (и в первую очередь неотомисты) елейно разглагольствуют о свободе и любви человека к человеку, о достоинстве личности и бесконечной ценности человеческой индивидуальности.

71) Таким образом, отношение неотомистов к своему первоучителю, так сказать, опосредовано современной исторической ситуацией, принципиально отличной от средневековья. Неотомизм не просто возрождение, но вместе с тем и обработка томизма в интересах современной империалистической буржуазии.

1 Система Фомы Аквинского была по преимуществу теологией. Что же касается неотомизма, то это по преимуществу философия, хотя и теологического толка. Фома Аквинский был идеологом феодальной верхушки средневекового общества, которая не стремилась выдавать свои интересы за интересы народа и откровенно высказывала свое аристократическое пренебрежение к трудящимся. Не то современные томисты: они не жалеют сил, для того чтобы их приняли за истинных и, более того, единственных друзей народа.

2) Конечно, неотомистские реакционные попытки гальванизировать средневековый томизм неизбежно терпят провал: схоластика, как бы ее ни подновляли, не способна решить современных философских, научных, общественно-политических вопросов. Однако нельзя проходить мимо того, что неотомизм наполняет средневековое учение Фомы Аквинского современным содержанием, использует средневековые схоластические догмы для идеалистического истолкования новейших данных науки и общественной практики. Нельзя поэтому рассматривать неотомизм как нечто бесконечно далекое от современности и чуждое современному буржуазному сознанию. Сведение неотомизма просто к средневековой томистской схолистике означает фактически недооценку той роли, которую играет он в идеологической борьбе наших дней. Было бы грубой ошибкой недооценивать опасность неотомизма на том основании, что он возрождает обветшалую, давно дискредитировавшую себя средневековую философию. При всей своей раболопной приверженности учению Фомы Аквинского, неотомизм не средневековая, не феодальная, а современная буржуазная философия.

3) Как ни странно на первый взгляд, но это откровенно идеалистическое, религиозное учение объявляет себя сторонником и защитником науки, проповедует союз науки и религии на основе взаимного уважения и невмешательства. Этим, в частности, объясняется тот факт, что некоторые буржуазные ученые, не разобравшись в сущности

неотомизма, симпатизируют этому учению или даже принимают к нему.

Итак, неотомизм относится к Фоме Аквинскому так же, как современная реакционная буржуазия относится к средневековой вообще. В XIX в. реакционная утопия возвращения к средневековому общественному строю проповедовалась отживающими феодальными классами. В XX столетии отживающим классом стала буржуазия, и ее идеологи восприняли от своих феодальных предшественников ту же реакционную утопию попятного движения. Еще в 1879 г. (вскоре после Парижской коммуны!) папа Лев XIII в специальной энциклике «Aeterni Patris» объявил «святого» Фому высшим и непогрешимым авторитетом в вопросах философии, положив тем самым официальное начало воскрешению томизма и приспособлению его к интересам реакционной буржуазии. Действительный социальный смысл этого реакционного попятного движения ярко обнаруживает изданная в 1924 г. в Страсбурге книжка «Назад, к Фоме Аквинскому», автор которой, немецкий католический философ В. Кениг, утверждает, что перед человечеством (читай: перед буржуазией) встал гамлетовский вопрос: быть или не быть?

Таковы важнейшие причины возрождения томизма в эпоху империализма; этим же объясняется тот факт, что главный философский авторитет Ватикана Фома Аквинский выступает ныне как виднейший авторитет и для многих буржуазных реакционеров не католического толка.

Философское кредо неотомизма

Всякий идеализм, какова бы ни была его конкретная историческая форма, представляет собой в конечном счете утонченное псевдонаучное обоснование главных положений религиозного мировоззрения. Идеалистическое положение о первичности духа и вторичности материи является философской формулировкой религиозного утверждения о сотворении мира богом. Религия говорит о бессмертной душе, якобы независимой от тела, идеализм стремится доказать, что психическое независимо от физического. То, что религия принимает в качестве откровения самого бога, идеализм пытается доказывать с помощью логических аргументов, ссылаясь на данные опыта, науки и т. д.

идеализм
религия
идеализм
идеализм
идеализм

Однако идеалисты, как правило, отрицают, что исходным пунктом их теоретических построений являются религиозные догмы; они стараются доказать, что пришли к выводам, совпадающим с религиозным взглядом на мир, независимо от религии, чисто научным путем. Неотомисты в отличие от других идеалистов являются откровенными сторонниками религиозного взгляда на мир, они считают религиозное мировоззрение единственно возможным и своей прямой и непосредственной целью ставят научно-философское его обоснование. Неотомисты пытаются доказать, что религиозная вера и разум не противоречат друг другу. Идея «гармонии» веры и разума образует исходное положение неотомистского религиозно-идеалистического учения.

Но разве не всякий идеализм независимо от того, как конкретно решает он вопрос об отношении веры и разума, стремится примирить науку и религию? Ясно, что и в этом отношении неотомизм выражает общие, присущие всем идеалистическим теориям тенденции.

Неотомисты говорят, что важнейшие философские вопросы не могут быть разрешены одним лишь человеческим разумом, чисто научными средствами, без помощи религиозной веры, откровения. Соответственно этому они считают, что отправным пунктом философии должно быть религиозное понимание вопроса об отношении между духовным и материальным. Вслед за Фомой Аквинским неотомисты пытаются построить на основе религиозного представления о мире систему объективного идеализма, основными положениями которой являются: признание бога в качестве «перводвигателя», первоисточника всего существующего в мире и мистическое раздвоение существующего на чувственно-воспринимаемый мир и потусторонний (трансцендентный) мир.

На место законов природы и общества неотомисты ставят божественное предустановление, провидение, приписывая естественным процессам сверхъестественные причины. Они признают бытие божие, бессмертие души, существование мифического, потустороннего, сверхчувственного мира, независимость воли от материальных условий.

Неотомисты заявляют, что они не отрицают, а, напротив, признают существование объективной, независимой от человеческого сознания реальности. На этом основании многие неотомистские философы называют себя против-

никами идеализма и сторонниками «реализма». В действительности же неотомисты не согласны лишь с субъективно-идеалистическим решением основного вопроса философии, которое полностью отбрасывает понятие объективной реальности. Они подчеркивают существование внешнего мира, но эта «объективная» реальность независима лишь от человеческого сознания и, конечно, зависима от божественного духа — ее создателя.

Неотомисты стремятся приблизить свою философию к обычным человеческим представлениям, которые носят стихийно-материалистический характер. Они подчеркивают свое признание познавательного значения чувственного опыта, соглашались и с тем, что наши ощущения являются копиями предметов, воздействующих на наши органы чувств. Однако в действительности неотомисты являются противниками сенсуализма, ибо чувственно воспринимаемый посюсторонний мир — это, по их учению, внешняя, поверхностная и в конечном счете обманчивая сторона действительности. Говоря о том, что разум опирается на данные органов чувств, неотомисты вместе с тем «разъясняют», что именно это и ограничивает его познавательную способность и делает его фактически неспособным проникнуть в сокровенную сущность мира. Отсюда как раз и вытекает неотомистский вывод, что разум без помощи религии не может создать истинной философии.

Обращаясь к ученым, неотомисты заявляют, что наука сама по себе, без религии, не может преодолеть агностицизма. Человеческие органы чувств, человеческий разум с этой точки зрения совершенно бессильны перед сокровенными тайнами вселенной. Отсюда следует, что исходным пунктом теории познания должно быть признание «откровения» в качестве высшего источника знания о мире. Генеральный секретарь Академии Фомы Аквинского Карл Бойер в предисловии к сборнику «Философия коммунизма», опубликованному в 1952 г., пишет, что «без помощи бога разум не в состоянии объяснить ни мироздания, ни морали»¹.

Неотомисты игнорируют то неоспоримое положение, что человеческий разум в союзе с практикой добился величайших успехов в деле познания и преобразования мира, и стремятся доказать, что сила разума в его нераз-

¹ «The Philosophy of Communism», New York 1952, p. VIII.

рывной связи с религиозной верой. С этой точки зрения разум слаб не тогда, когда он отрывается от жизни, практической деятельности, а тогда, когда он перестает руководствоваться религиозными догмами.

Католическая церковь на протяжении многих веков своего существования вела беспощадную войну против науки, преследовала передовых ученых. Осуждение Коперника и Галилея, сожжение Д. Бруно, Ванини и многих других навсегда останутся фактическим свидетельством действительного отношения католицизма (и религии вообще) к науке и ее деятелям.

Западноевропейский неотомист К. Адам в своей книге «Сущность католицизма», оправдывая преступления, совершенные католической церковью против науки на всем протяжении христианского средневековья, пишет: «Нет ничего удивительного в том, что исторически существующий католицизм не находится в полном соответствии с идеальным... Идеальный католицизм еще не достигнут и никогда в истории еще не был осуществлен»¹.

Эта версия об «идеальном» и «историческом» католицизме направлена на то, чтобы отвести от католической церкви вину за преступления против науки и ее деятелей. Она призвана теоретически обосновать переориентацию Ватикана, который в прошлом стремился уничтожить науку с помощью аутодафе, а теперь пытается ее задушить в своих объятиях.

Как известно, Ватикан впоследствии признал ошибочным осуждение Галилея инквизицией. Запоздалое признание, рассчитанное на наивных или же несведущих людей! Как будто бы вся политика католической церкви по отношению к науке и культуре вообще не была и не остается по сей день бесконечной цепью преступлений. Впрочем, было бы неправильно полагать, что Ватикан действительно признал ошибочным свое прежнее отношение к науке и решил исправиться. Ничего подобного!

Неотомистские философы говорят, что еще «святой» Фома провозгласил принцип гармонии веры и разума, и этот принцип с тех пор, т. е. с XIII в., стал руководящей идеей католической церкви. Неотомисты считают, что тем самым была разрешена величайшая задача всех времен

¹ К. Адам, Das Wesen des Katholizismus, Düsseldorf 1949, S. 249—250.

и народов: примирение разума и веры, т. е. науки и религии. Поэтому борьба науки против религии, уверяют неотомисты, лишена реального смысла и представляет собой лишь печальное недоразумение.

Каков характер «гармонии» веры и разума, провозглашенной Фомой Аквинским, видно из рассуждений самих неотомистов. Вслед за своим первоучителем неотомисты утверждают, что существуют истины разумные и сверхразумные, т. е. непостижимые разумом и доступные лишь откровению, вере. И разумные и сверхразумные истины коренятся в конечном счете в премудрости божьей, ввиду чего они не противоречат друг другу, а, напротив, взаимно друг друга дополняют. Правда, сверхразумные истины недоказуемы, но разум, сознавая свою немощь в этом отношении и отказавшись от претензии доказать или опровергнуть недоказуемое, ограничивает свою задачу защитой сверхразумных истин, защитой веры, религии от всяческих возражений и нападков.

Фома Аквинский доказывал, что разум и вера лишь постольку согласуются друг с другом, поскольку разум имеет возможность обосновывать религиозные догматы. Современные томисты, солидаризируясь со своим учителем, делают логическое ударение на другом: до тех пор пока разум сознает свою ограниченность и не вмешивается в дела веры, он может утверждать все, что ему угодно. Это значит, что неотомисты не имеют ничего против науки постольку, поскольку она говорит об отдельных эмпирически устанавливаемых фактах, например о том, что вода состоит из водорода и кислорода, молекулы — из атомов, атомы — из протонов, электронов и т. д. У науки и религии, утверждают неотомисты, различные объекты познания — естественное и сверхъестественное, а потому можно провести между ними строгое разграничение, установить их компетенцию.

Но возможно ли такое разграничение между наукой и религией? Само собой разумеется, невозможно. Поскольку наука устанавливает, например, что мир бесконечен во времени и в пространстве, она противоречит религиозной догме о конечности и сотворении мира. Поскольку наука доказывает, что человек возник в результате длительного развития живой материи, которая в свою очередь возникла из неживой материи, она опять-таки противоречит религиозной догме о сотворении чело-

века богом. Настаивая на невмешательстве науки в религиозные вопросы, неотомисты фактически требуют отказа не только от критики религиозного мировоззрения, но вместе с тем и от правильного истолкования мира, отказа от объективной истины. На деле учение о гармонии веры и знания, выдаваемое за философское обоснование независимости науки (также и философии) от религиозного вероучения, означает подчинение науки религии, разума — религиозной вере. Науке запрещаются атеистические выводы, которые рассматриваются как незаконное вмешательство в область, выходящую за пределы ее компетенции.

Ограничивая права науки констатацией эмпирически устанавливаемых фактов, лишая науку права на мировоззренческие выводы, поскольку они противоречат религии, неотомисты лицемерно заявляют, будто вражда между наукой и религией имела место лишь вследствие того, что не было четкого разграничения между предметом научного исследования и областью религии.

Модернизируя Фому, его современные последователи говорят о принципиальной самостоятельности философии по отношению к религии. «Она, — пишет Г. Мансер, — имеет свои собственные принципы, которые независимы от откровения»¹. Но тут же неотомисты утверждают, что откровение (священное писание) дает высшую, непостижимую разумом истину, которой обязана руководствоваться философская наука. О какой же принципиальной самостоятельности философии или науки вообще может идти в таком случае речь? Проповедуя соединение несоединимого, неотомисты отстаивают не интересы науки, а интересы религии.

Примером подобного «признания» науки может быть, в частности, выступление Пия XII в 1951 г. перед Академией Фомы Аквинского, в котором он говорил, что католицизм отнюдь не отвергает эволюционной теории Дарвина, но требует «только» одного: беспрекословного признания того, что Адам был прародителем всего человечества, а Ева была сотворена господом богом из его ребра. Вот, следовательно, в каком смысле католические «друзья» науки готовы признавать и поддерживать научные исследования.

¹ Gallus M. Manser, Das Wesen des Thomismus, S. 51.

Неотомист Э. Жильсон в книге «Христианство и философия» пишет, что философия способна давать лишь относительную истину, в то время как религия дает истину абсолютную, что человеческий разум слаб и затемнен вследствие первородного греха. По мнению Жильсона, разум приобретает силу и способность преодолевать трудности, если он приобщается к «святой простоте» просто душно верующих людей. Надо, говорит Жильсон, не мудрствуя лукаво, «просто встать на традиционные позиции церкви»¹.

Вот, следовательно, о какого рода гармонии, сотрудничестве идет речь!

В переведенной на многие языки и выдержавшей много изданий книге «Томизм. Введение в философию святого Фомы Аквинского» Э. Жильсон пытается убедить своих читателей, что требование согласования науки с религией проистекает из природы самого разума, из процесса познания, а отнюдь не навязывается науке извне. Фома, пишет Жильсон, не хочет внешнего и поверхностного сочетания веры и разума, «он хочет, чтобы разум совершенно свободно развивал свое собственное содержание и чтобы строгое соблюдение требований разума приводило к вере. Философия, учит Фома, черпает свою ценность и силу не из того, что она привержена христианству, а из того, что она истинна. ...Вся тайна томизма состоит в этом решительном провозглашении интеллектуальной честности, реконструирующей философию на такой основе, на которой гармония с теологией выступает как необходимое следствие требований самого разума, а не как случайный результат простого согласования желаний»². В другой своей уже цитировавшейся выше книге — «Христианство и философия» Э. Жильсон говорит, что наука и философия в отличие от религии исходят не из догматов, а из «естественного разума», но тем не менее они все же приходят к тем же выводам, что и религия, но «своим собственным путем». Жильсон приписывает разуму внутреннюю потребность в религиозном объяснении мира, стремление к сверхъестественному. Вместе с тем Жильсон пытается доказать,

¹ E. Gilson, *Christianisme et philosophie*, Paris 1949, p. 102.

² E. Gilson, *Le Thomisme. Introduction à la Philosophie de saint Thomas d'Aquin*, Paris 1948, p. 39.

что религиозное, в особенности католическое, воззрение на мир само по себе разумно. Поэтому-де разум и вера, наука и религия не являются взаимоисключающими противоположностями: вера разумна, а разум религиозен. Вера необходима, чтобы направить разум на путь истины, предохранить его от заблуждений. Эти положения неотомистского лидера полностью соответствуют директивным указаниям Ватикана. Так, Пий XII в своем обращении к Ватиканской академии, главной задачей которой является фальсификация науки в религиозном духе, заявлял, что «вера является другом разума и, следовательно, церковь — друг науки». Замалчивая историю борьбы католицизма против науки, Пий XII уверял, что церковь ни сколько не посягает на свободу научного исследования и если даже вмешивается в научные вопросы, то лишь затем, чтобы «спасти науку от ошибок против веры». Эта последняя фраза наглядно говорит о том, *к чему* сводится пресловутая «самостоятельность» науки и философии, о которой демагогически разглагольствуют неотомисты. Оказывается, что вся эта «самостоятельность» сводится к тому, что философии, например, разрешается оперировать логическими, научными аргументами и данными, но только лишь в том случае, если она доказывает «истины» веры, т. е. католические догмы. В действительности неотомисты стремятся ликвидировать философию как самостоятельную науку; снова, как и в средние века, превратить ее в служанку богословия. Не случайно поэтому они требуют, чтобы философия перестала быть «служанкой наук». Э. Жильсон, сравнивая философию и теологию, объявляет последнюю «метафилософией», т. е. высшей ступенью достоверного, сверхразумного знания о сверхчувственном, сверхъестественном. А один из учеников Э. Жильсона утверждает, что все человеческие знания образуют как бы трехэтажную пирамиду, «основу которой составляют частные науки, центр — науки всеобщие, или философские, а вершину — теология»¹.

Вознося теологию над философией и естественными науками, неотомисты наглядно показывают, что ни о какой действительной самостоятельности философии и есте-

¹ M. de Wulf, Initiation à la philosophie thomiste, Louvain 1949, p. 15.

ствознания не может быть и речи. Правда, они подчеркивают, что «частные науки» образуют основу всего процесса познания. Но это понимается ими лишь в том смысле, что все эти науки должны быть питательной почвой для теологических выводов. Такая тактика неотомистов по отношению к современной науке вызвана тем, что в наше время прямое, открытое отрицание познавательного значения науки способно лишь дискредитировать поповщину. Даже верующие, религиозные люди стремятся примирить свои религиозные представления со здравым смыслом. Отражая этот несомненный факт разложения слепой веры в сверхъестественное, Ватикан официально провозгласил, что отрицание возможности рационального доказательства существования бога должно рассматриваться как ересь, несовместимая с христианским вероучением.

В. И. Ленин отмечал в «Материализме и эмпириокритицизме», что реакционеры готовы признать науку, если она откажется от притязаний на объективную истину. Этого отказа от объективной истины и требуют от науки неотомисты, которые готовы признать за наукой практическое значение в жизни людей, но отказывают ей в мировоззренческом значении, в способности подняться до высших, обобщающих истин. То, что наука принципиально не может быть согласована с религиозными догмами, изображается как непреодолимая ограниченность науки в решении высших проблем философии. Сила науки выдается за ее слабость.

Весь исторический опыт свидетельствует о том, что религия преграждает путь научному пониманию действительности. И все же идея примирения разума и веры, требование взаимной терпимости между наукой и религией зачастую находят отклик даже среди выдающихся буржуазных ученых. Так, например, А. Эйнштейн, один из наиболее выдающихся преобразователей современного естествознания, писал: «Естествознание без религии хромает, религия без естествознания слепа»¹. Неотомист, конечно, не согласится со второй частью этого тезиса, поскольку здесь оспаривается самостоятельность религиозной веры. Но зато первая часть вполне согласуется с неотомистским кредо.

¹ А. Einstein, Out of my Later Years, New York 1950, p. 26.

Для доказательства гармонии разума и веры неотомисты весьма произвольно и крайне расширительно истолковывают понятие «вера», включая в него, с одной стороны, веру в сверхъестественное, а с другой — всякую уверенность, убежденность, сознание истинности того или иного положения, научного предвидения и т. д. В результате этой логической операции, «соединяющей» по существу несоединимое, смазывается действительная, непримиримая противоположность между верой и знанием. Неотомисты утверждают, что знание без веры бесполезно, бесплодно. Но при этом они умалчивают о том, что речь в данном случае идет о вере в сверхъестественное, в существование потустороннего, божественного, о религиозной вере.

Именно эта вера непримирима с разумом, наукой. Если же речь идет, например, о вере в безграничное развитие человеческого познания, то последняя есть в сущности знание, имеющее научное обоснование. У нас нет никаких оснований для веры в сверхъестественные вещи, но, само собой разумеется, это не мешает нам соглашаться с тем, что доказано наукой и практикой. Когда мы утверждаем, что мы верим в возможность преобразования производства благодаря применению ядерной энергии или же верим в возможность межпланетных сообщений, то это означает лишь то, что мы принимаем доказанные наукой и практикой положения. Мы убеждены в неизбежности победы коммунизма во всем мире, и это убеждение основано на научной теории марксизма-ленинизма, на фактах коммунистического строительства в СССР и в других странах социалистического лагеря.

Но не такого рода убеждения, уверенность интересуют неотомистов: они признают лишь веру в сверхъестественное и к тому же утверждают, что эта религиозная вера вполне гармонирует с научным пониманием действительности.

Прогрессивный английский социолог А. Робертсон правильно замечает: «Мы вправе верить ученому, когда он сообщает нам о предмете своей науки что-либо такое, что он способен подтвердить и в чем мы также смогли бы удостовериться, если бы мы овладели методами его науки. Но мы не вправе верить даже ученому, когда он переходит границы фактов, которые могут быть проверены, и претендует на то, чтобы сообщить нам, каким об-

разом мир возник, каков будет его конец и какова природа того существа, которое этот мир сотворило. Даже состоящая из трех слов фраза «существо, сотворившее мир» предполагает три вопроса, а именно: о начале вселенной, о первопричине и о личности творца»¹.

Итак, неотомистский принцип гармонии веры и разума есть принцип фидеизма, что бы ни говорили неотомистские философы о своей враждебности этому религиозному учению, ставящему мистическую веру, религиозный экстаз над наукой, человеческим интеллектом. И именно принцип подчинения науки религиозной вере является исходным пунктом неотомистской фальсификации естествознания.

Фома Аквинский, исходя из религиозного представления о сотворении мира божественным разумом, о разумном устройстве и божественном управлении природой и обществом, отстаивал точку зрения телеологии, согласно которой повсеместно, как в природе, так и в обществе, имеют место целесообразные отношения между вещами. Еще Аристотель признавал наряду с обычными причинами, которые он называл действующими, причины конечные, или целевые. Распространяя на природу понятие цели, Аристотель хотел с помощью этого понятия объяснить те явления, необходимость которых казалась ему иначе недоказуемой. Так, например, он полагал, что камень падает вниз потому, что внизу его *естественное* место. Аристотель не знал закона всемирного тяготения. Он рассматривал явление притяжения тел землей как проявление объективной целесообразности в природе.

Эту наивную, идеалистическую точку зрения воспринял от Аристотеля Фома Аквинский, который придал телеологической концепции универсальный характер и построил на ней свое «доказательство» бытия бога: если в мире все целесообразно, т. е. каждое явление существует ради определенной цели, значит, имеется сверхприродный полагающий эти цели разум, бог. Это религиозно-идеалистическое истолкование связи явлений друг с другом стало общепринятой точкой зрения средневековой схоластической философии.

Выдающейся исторической заслугой материалистической философии XVII—XVIII вв. была борьба против

¹ А. Робертсон, Рационализм в теории и на практике, стр. 15.

телеологии, которой английские и французские материалисты противопоставили учение о естественных причинах всех природных явлений. Домарковские материалисты правильно указывали, что телеология ничего не объясняет, а просто ссылается на бога, вместо того чтобы конкретно исследовать причины, особенности наблюдаемого явления, его отношение к другим явлениям и т. д. Ссылаясь на данные науки своего времени, эти материалисты показывали, как многие явления, раньше представлявшиеся следствием непосредственного вмешательства бога, получают вполне научное объяснение и могут быть воспроизведены человеком путем эксперимента.

Материалисты XVII—XVIII вв. правильно указывали и на то, что телеология субъективистски истолковывает стихийно совершающиеся природные процессы, называя одни из них целью, другие — средством для осуществления цели. Так, французский материалист Гольбах, осмеивая телеологическое представление о целесообразности всех событий в истории человечества, писал, что с точки зрения телеологии «чума, голод, войны, клопы, комары и богословские споры существуют на благо человечества»¹. Следует отметить, что материалистическая критика телеологии и связанное с ней обоснование детерминизма оказали известное влияние и на наиболее выдающихся представителей идеалистической философии, которые вынуждены были отказаться от той упрощенной телеологической концепции, которая господствовала в средние века. Против такого рода поверхностной телеологической концепции Гегель, например, выступал не менее решительно и едко, чем Гольбах. Высмеивая телеологию, Гегель писал, что, согласно этому плоскому представлению, виноградные лозы существуют для того, чтобы давать людям вино, а пробковые деревья, чтобы делать из них пробки и затыкать бутылки с вином. Однако, отвергая упрощенную телеологическую концепцию, Гегель обосновывал тонченно телеологическое представление о внутренне присущей всякому процессу идеальной направленности, цели. Ярким примером такого идеального телеологического отношения Гегель считал явление наследственности. Так, например, он утверждал, что желудь «в себе» есть дуб; это значит, что желудь внутри себя содержит

¹ П. Гольбах, Карманное богословие, М. 1937, стр. 139.

цель, назначение, которое вместе с тем совпадает с закономерностью его развития.

Сокрушительным ударом по «усовершенствованной» телеологической концепции Гегеля и других идеалистов явилось эволюционное учение Ч. Дарвина. Великий английский естествоиспытатель, не отрицая целесообразности в животном и растительном мире, дал ей материалистическое объяснение. По учению Дарвина, эта целесообразность носит весьма относительный и далеко не совершенный характер, так что даже незначительное изменение условий существования того или иного живого существа может привести его к гибели. Приспособление живых существ к среде, а также их относительно целесообразная внутренняя организация являются, как показал Дарвин, результатом развития живых существ на протяжении многих тысячелетий. В ходе этого развития живые существа, недостаточно приспособленные к среде, погибали, а наиболее приспособленные выживали, размножались. Этот естественный отбор, борьба за существование, приспособление организмов к среде и передача по наследству приобретенных признаков и привели в конечном итоге к тем относительно целесообразно организованным видам животных и растений, которые мы наблюдаем.

Диалектический материализм, опираясь на учение Дарвина и теоретически обобщая данные других наук и практический опыт, полностью опроверг идеалистическое телеологическое учение, которое вместо объяснения реально существующего в живой природе факта относительной целесообразности абсолютизирует этот факт, распространяет его на всю природу и общество, истолковывает его в духе мистицизма и религиозного представления о божественном устройстве мира.

Реакционная буржуазная философия эпохи империализма, отвергая естественнонаучное, материалистическое объяснение факта относительной целесообразности, вновь возрождает давно опровергнутую наукой телеологию. Так, французский идеалист А. Бергсон проводил идею о «творческой эволюции», основным фактором которой, по его мнению, является какой-то мистический «жизненный порыв», т. е. какая-то недоступная научному исследованию мистическая, сверхприродная сила, существование которой не может быть установлено эмпирически.

Телеологические концепции пропагандирует и так называемый неофинализм, один из представителей которого — французский биолог Бунур утверждает, что «существенное своеобразие жизненной реальности целиком заключается в финализме»¹, т. е. в представлении о конечной цели. Телеологические идейки в условиях буржуазного общества получают известное распространение и в естествознании, поскольку буржуазные естествоиспытатели находятся под влиянием реакционной буржуазной идеологии. Этим обстоятельством искусно пользуются неотомисты, которые ссылаются на попавших под влияние идеализма буржуазных ученых (вейсманистов, виталистов и др.), пытаясь таким образом доказать, что современная наука якобы опровергает Дарвина и подтверждает учение Фомы Аквинского.

С этих позиций неотомисты пытаются дискредитировать материалистическое понимание относительной целесообразности, имеющей место в живой природе. Так, по мнению Г. Веттера, причины, вызвавшие возникновение зрения, ничего не дают для понимания этой удивительной способности, присущей развитым животным. «Причинное объяснение происхождения глаза,— пишет Г. Веттер,— еще совершенно ничего не говорит о том, для чего служат глаза в организме»². В действительности же исследование наукой истории возникновения зрения и других органов чувств наглядно раскрывает их значение в приспособлении живого организма к окружающей среде и тем самым вскрывает существо данного целесообразного явления. Зрение является продуктом длительного развития живого организма, причем условием существования зрения является существование света, солнца, как это прекрасно показал академик С. И. Вавилов в своей книге «Глаз и солнце». Современная наука вскрывает историческое происхождение зрения, его физический и физиологический механизм, биохимические процессы, являющиеся предпосылкой зрения. Современная медицина, основываясь на данных науки, достигла выдающихся успехов в лечении глазных болезней и восстановлении утраченного зрения. Все это наглядно говорит о том, что

¹ L. Bounoure, Déterminisme et Finalité. Doublé loi de la vie, Paris 1957, p. 243.

² G. Wetter, Der dialektische Materialismus, seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion, Wien 1956, S. 442—443.

не телеология, а наука и связанная с ней практика способны дать действительное объяснение фактам целесообразности, наблюдаемым в живой природе.

Выше уже говорилось, что неотомисты распространяют понятие цели на все существующее, поскольку все, согласно их учению, является произведением божественного разума. С этой точки зрения они пытаются истолковывать механические, физические, химические и иные природные процессы. Для этого они, в частности, используют давно уже известный науке факт относительно правильного («упорядоченного») расположения молекул в кристаллических телах, а также наличие в молекулах некоторых химических соединений определенным образом, симметрично расположенных атомов. Все это истолковывается как примеры целесообразных отношений, предполагающих наличие сверхприродного разума, т. е. бога.

Извращая научное понятие закона, неотомистские философы пытаются представить дело так, будто бы законы природы являются средством, через которое божественный разум осуществляет свою цель. Все это свидетельствует о том, что неотомисты подходят к наукам о природе с определенной, предвзятой целью. Все их усилия направлены на то, чтобы объяснить естественное сверхъестественным, т. е. ограничить пределы научного объяснения явлений природы.

Таким образом, неотомистская телеология представляет собой утонченную форму борьбы идеализма и религии против материализма и науки.

Прикрываясь рассуждениями о свободе научного исследования, неотомистские «теоретики» ведут идеологическое наступление на науку и основывающееся на ней диалектико-материалистическое мировоззрение. В речи перед членами папской академии наук в 1951 г. папа Пий XII заявил, что существуют «три орудия истины»: науки, философия, откровение. Само собой разумеется, что «откровение» выдается за высшее орудие истины и соответственно этому от наук и философии требуется, чтобы они сообразовались с ним. Пий XII прямо утверждал, что «истинная наука» обязана каждым новым своим открытием «все более и более открывать бога». Соответственно этому католический владыка безапелляционно провозгласил: «Мы требуем от науки... доказательства сотворения мира во времени». Пытаясь указать естество-

испытателям путь от науки к богословию, Пий XII, извращая действительный смысл новейших естественнонаучных открытий, утверждал, что материя-де «превращается в энергию», атомы разрушаются и «кажущейся неизменности» приходит конец. Распад атомного ядра, излучение изображались Пием XII как непрерывное рассеивание материи, непрерывное уменьшение ее концентрации. Во всем этом он видел поток разрушения, смерти, свидетельствующий о тленности всего материального.

Между тем радиоактивность, распад атомного ядра, излучение и т. п. процессы никоим образом не являются уничтожением материи, вещества, а представляют собой превращение материи, вещества в другую форму его существования. Современная физика экспериментально доказала, что распад ряда тяжелых элементов означает образование других, более легких элементов. Это значит, что разложение, исчезновение одного состояния материи является вместе с тем возникновением, образованием другого ее состояния. Ничто не возникает из ничего, ничто не превращается в ничто. Это важнейшее положение материалистической теории полностью подтверждается всеми новейшими открытиями естествознания, которое доказывает, что не существует ни абсолютного возникновения, ни абсолютного исчезновения: оба эти процесса относительны, неотделимы друг от друга и представляют собой выражение движения, изменения, развития материи.

Эти выводы науки, естественно, не устраивают католических теоретиков, которые стремятся обосновать неизбежность конца мира, уничтожения существующего, т. е. превращения его в ничто. Указывая на известный астрономам факт разрушения небесных тел и образования вследствие этого значительных масс космической пыли, Пий XII утверждал, что здесь налицо уничтожение, исчезновение материи. При этом глава Ватикана полностью игнорировал тот факт, что путем конденсации космической пыли образуются новые небесные тела. Некоторые необычно яркие звезды существуют, как это явствует, в частности, из советских астрономических исследований, не более нескольких десятков миллионов лет, т. е. являются сравнительно «молодыми» образованиями.

Современное естествознание своим учением о структуре материи, о внутриатомных процессах дало бле-

стоящее подтверждение учению диалектического материализма о движении как внутренне присущей материи форме ее существования. Идеалистический тезис об инертности, косности материи, противопоставление материи энергии полностью опровергнуты. Однако неотомистам нет дела до действительного смысла открытий естествознания. Эти открытия их интересуют постольку, поскольку их можно использовать для «доказательства» бытия бога и других христианских догматов. Исходя из религиозно-идеалистического представления о творце и перводвигателе мироздания, неотомисты утверждают, что всеобщее движение предполагает в качестве своего первоначального условия наличие абсолютно неподвижного первоначала, т. е. бога.

Следуя за Фомой Аквинским, неотомисты метафизически разграничивают и абсолютно противопоставляют понятия движимого и движущего, утверждая, что последнее тем-то и отличается от первого, что оно не движется. Они, следовательно, вырывают пропасть между движением и покоем, игнорируя неоспоримые положения науки об абсолютной всеобщности движения и относительности всякого покоя.

Хотя неотомисты и критикуют механическое понимание движения, они полностью принимают механистическое представление о том, что всякое движение предполагает внешний толчок. Доводя до логического конца точку зрения механицизма, неотомисты утверждают, что движение мира в целом предполагает первотолчок, перводвигатель — бога. Аргументация неотомистов и в этом вопросе носит типично схоластический характер: движение свойственно несовершенным сущностям, бог же есть совершеннейшее существо; следовательно, движение противоречит сущности бога. Понятие бога требует признания абсолютного покоя — такова схоластическая «логика» неотомизма. Само собой разумеется, что такого рода рассуждения бесконечно далеки от науки, на которую ссылаются теоретики неотомизма.

Современное естествознание учит, что движение абсолютно, т. е. вечно и неуничтожимо. Такова же точка зрения диалектического материализма, теоретически обоснованная Марксом и Энгельсом свыше 100 лет тому назад. И вот неотомисты утверждают, что диалектико-материалистическое понимание движения якобы

противоречит современному естествознанию, согласно которому движение относительно. Такое «возражение» выдвигает, например, Г. Веттер. Нетрудно доказать, что на современное естествознание Веттер сослался лишь для того, чтобы продемонстрировать «соответствие» своих взглядов последнему слову науки. Ведь еще Галилео Галилей учил, что всякое движение относительно, т. е. происходит по отношению к другому телу, также находящемуся в движении. Отсюда следует (и это знал уже Галилей), что нет неподвижных тел; всякий покой относителен, т. е. он представляет собой определенную форму движения материи. И именно из принципа относительности движения, известного еще классической механике, следует, что движение абсолютно, т. е. вечно, неуничтожимо. Таким образом, относительность движения не исключает признания его абсолютности: движение материи и абсолютно и относительно, чего не желают понимать неотомистские фальсификаторы естествознания.

Итак, современное естествознание подтверждает диалектический материализм. Неотомисты же выступают против марксистского понимания движения, ибо оно исключает «перводвигатель». Физика внутриатомных процессов доказала несостоятельность механистического сведения всякого движения к перемещению и покончила с метафизическим представлением не только об атоме, но и об электроны, разрушив противоречащее идее развития представление о неизменности массы и т. д. Современное естествознание не оставляет места для «перводвигателя». Не случайно поэтому известный западногерманский журналист Церер утверждает, что «современное естествознание заключило союз с дьяволом»¹. Церер откровенно признает непримиримую противоположность науки и религии. Иначе поступают неотомисты: они утверждают, что естествознание вопреки диалектическому материализму пришло к признанию пресловутого перводвигателя.

Не ограничиваясь ревизией естественнонаучного понимания движения, неотомисты ополчаются и против материалистического понимания пространства и времени, чтобы во что бы то ни стало «доказать», что суще-

¹ См. W. Ulbricht, Vom geistigen Leben in unserer Zeit, «Neues Deutschland» N 157, 1957.

ствуется начало мира как во времени, так и в пространстве. Движение неразрывно связано с пространством и временем. «Движение есть сущность времени и пространства... Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства)»¹. Отсюда понятно, что неотомистская борьба против материалистического понимания времени и пространства как неотделимых от материи форм ее существования имеет своей целью все то же «доказательство» бытия абсолютно неподвижного, вневременного, внепространственного существа, т. е. бога. Неотомисты уверяют, что не все существует во времени и в пространстве. Имеются-де и вневременные, внепространственные сущности. Неотомистские теоретики настаивают на том, что окружающий нас трехмерный (т. е. имеющий длину, ширину, высоту) мир не является единственно существующим: потустороннее, загробное царство предполагает, оказывается, наличие нетрехмерного пространства. Для подтверждения этого фантастического представления неотомисты ссылаются, в частности, на понятие четырехмерного мира в современной физике, хотя общеизвестно, что под четвертым измерением в данном случае имеется в виду время, существование которого никогда не отрицали материалисты в отличие от неотомистов, пытающихся доказать наличие вневременной реальности.

Следует, однако, иметь в виду, что в буржуазных странах, где идеализм является господствующим мировоззрением, имеется немало естествоиспытателей, которые, вопреки действительному смыслу своих открытий, проповедуют идеалистические концепции. Но если некоторые буржуазные физики, запутавшись в тенетах поповщины, утверждают, будто бы время и пространство не существуют в микромире, то это лишь говорит о тлетворном влиянии современного капитализма на науку. Используя идеалистические шатания некоторых буржуазных естествоиспытателей, неотомист М. Рединг пишет: «3—4 млрд. лет тому назад существовало первое элементарное время, первое элементарное пространство и первая пара элементарных частиц»². Уже упоми-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 253.

² М. Reding, Der politische Atheismus, Graz—Wien—Köln 1958, S. 312.

навшийся выше профессор-иезуит Г. Веттер, фальсифицируя данные современной науки, утверждает, что эти данные неизбежно приводят к выводу, что «мировой процесс имел начало и стремится к концу». Ссылаясь на некоторых представителей «физического» идеализма, Веттер категорически заявляет, что вселенная была создана господом богом 5—10 млрд. лет тому назад. Во всяком случае, заявляет неотомистский философ, науке неизвестны какие бы то ни было явления природы, возраст которых превышал бы 10 млрд. лет. Само собой разумеется, что такие «аргументы» не имеют ничего общего с наукой, ибо наука не позволяет делать выводы из того, что ей неизвестно. Но если даже допустить, что в *настоящее время* не существует явлений, возраст которых превышал бы 10 млрд. лет, то из этого отнюдь не вытекает, что до возникновения этих явлений ничего не существовало. Мир находится в вечном процессе развития. Не удивительно поэтому, что то, что было миллиарды лет назад, уже не существует сейчас. Чувствуя шаткость своей аргументации, Веттер заявляет, что «принятие вечности материального мира не представляет собой, таким образом, в себе и для себя угрозы теистической точке зрения»¹. Под вечностью, по мнению Веттера, следует понимать лишь отсутствие конца, но не начала. Отсюда Веттер заключает, что «и вечный мир нуждается в божь-создателе». Эта софистическая увертка вполне в духе известной пословицы: где голова не пролезет, нужно просунуть хвост. Не приходится разъяснять, что допущение начала вселенной так же несостоятельно, как и допущение того, что она имеет конец во времени или в пространстве. И в том и в другом случае время отрывается от вселенной и допускается тем самым, что оно существует независимо от нее. Но время, так же как и пространство, неотделимо от материи. Именно поэтому совершенно несостоятельны попытки представить время и пространство как нечто предшествующее материи, а следовательно, нематериальное. Неотомисты отрывают время и пространство от материи. Поэтому совершенно антинаучны их утверждения о начале мира во времени, о его ограниченности в пространстве.

¹ G. Wetter, Der dialektische Materialismus, seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion, S. 330.

Идеалистическое извращение понятий движения, пространства и времени необходимо неотомистам также и для того, чтобы дискредитировать теорию развития, которая с необходимостью приводит к отрицанию вечности капитализма, апологетами которого являются неотомистские теоретики. В свое время Фома Аквинский восхвалял Аристотеля за его борьбу против положения древнегреческого материалиста и диалектика Гераклита: «Все течет». Фома доказывал, что предметом философии может быть лишь неизменное, вечное, чуждое изменению, что изменение свойственно одному лишь несовершенному, конечному. Выступая против тех древних, а также средневековых мыслителей, которые допускали вечное движение, вечный круговорот явлений в природе, он утверждал, что идея вечного обновления мира противоречит совершенству, присущему богу. Если допустить, что мир сейчас не таков, каким он был раньше, то это, говорил Фома Аквинский, «делает менее очевидным бытие бога».

Фома Аквинский отбрасывал идею развития, считая ее враждебной теологии и в особенности католическому догмату о сотворении мира богом. Его нынешние преемники хотели бы отбросить идею развития главным образом потому, что она противоречит идее о вечности капитализма. Но времена изменились. В наше время нельзя столь же безапелляционно, как в средние века, отрицать развитие, если не хочешь поставить себя в смешное положение. Идея развития прочно вошла в естествознание, с ней приходится считаться и буржуазным социологам, всячески стремящимся придать этой идее безобидный, ничем не угрожающий капитализму вид. Вот почему и неотомистам приходится всячески изворачиваться, чтобы и не отрицать прямо и полностью идею развития и вместе с тем извратить, выхолостить эту идею.

Неотомисты уверяют, что развитие имеет своим источником божественную волю и не соотнобразуется с какими-либо природными или экономическими законами, что содержанием развития является одно божественное предопределение, предустановление, ввиду чего не следует подходить к развитию с точки зрения причинности, необходимости, закономерности. По словам Ж. Маритэна, нет большей ошибки, чем представление о том,

что в природе что-либо совершается без бога. Все в мире совершается по указанию бога и под непосредственным руководством его ангелов, которые, как говорит Маритэн, являются «чистыми духами» и в бесчисленном множестве располагаются над человеком, соответственно иерархии, установленной господом богом. Научное представление о развитии природы и общества Маритэн подменяет фантастической картиной непрерывного «творения» мира богом. Но если все совершающееся в мире несет на себе печать божественного предопределения, то ничто в нем не может быть изменено человеком. Эти реакционные выводы прямо вытекают из неотомистской концепции «развития».

Фальсифицируя факты всемирной истории, свидетельствующие о поступательном развитии общества, о неуклонно совершающемся прогрессе в области материальной и духовной жизни общества, философы из католического лагеря внушают своим читателям, что лишь покой означает благоденствие, а развитие всегда ведет к беспокойству, болезни, упадку. Одним словом, упаси, боже, от развития — к этому сводится нехитрая, насквозь реакционная идеалистическая концепция «развития», проповедуемая неотомистами.

Неотомисты являются злейшими врагами материалистической диалектики — единственно научной теории развития. Тот же Веттер, следуя в данном случае за родоначальником ревизионизма Э. Бернштейном, утверждает, что диалектика несовместима с материализмом, что она «неотделима от мистицизма», и приучает человека видеть в действительности «нечто скрытое», «таинственное», ибо диалектическое движение возможно лишь в сфере сверхматериального. Совершенно очевидно, что изображаемая Веттером мистическая диалектика действительно несовместима с материализмом. Но отец-иезуит умалчивает о том, что Маркс и Энгельс коренным образом переработали идеалистическую диалектику Гегеля, что марксистская диалектика принципиально противоположна гегелевской.

Для того чтобы «доказать» антинаучное положение о невозможности материальных диалектических процессов, Веттер изображает материю как нечто косное, мертвое, лишенное самостоятельного движения, чуждое творческой силе и постоянно нуждающееся в толчке

извне. Как можно, пишет Веттер, «называть именем материи реальность, одаренную спонтанным сознанием, творческой силой»¹. Это значит приписывать материи «божественные prerogative»².

Во все времена идеалисты считали, что материя для своего движения нуждается в нематериальной силе, двигателе, «энтелехии», «монадах» и т. д. Такого рода истолкование материи как «материала» для творческой деятельности сверхприродного духа имеет вполне определенный смысл, давно разоблаченный марксизмом. В. И. Ленин в труде «Материализм и эмпириокритицизм» писал: «... попытка *мыслить* движение без материи протаскивает *мысль*, оторванную от материи, а это и есть философский идеализм»³.

Итак, неотомистская фальсификация естествознания представляет собой не что иное, как «новейшую» форму борьбы идеализма против материализма.

Но, отвергая материализм, Веттер и другие неотомисты не могут привести буквально ни одного нового довода против материализма. Старые, давно опровергнутые естествознанием и материалистической философией идеалистические положения насчет косности материи опровергнуты наукой. А новых аргументов нет, ибо все данные науки лишь подтверждают диалектический материализм, его учение о движении, развитии материального мира.

Ранее уже говорилось о том, что неотомизм выступает под флагом рационализма, объявляет себя чуть ли не единственным защитником разума. Ссылаясь на божественный разум, неотомисты объявляют, что подлинный рационализм неотделим от религиозного понимания мира. С этих позиций неотомисты полемизируют с широко распространенным в современной буржуазной философии иррационализмом, который утверждает, что все существующее как в природе, так и в обществе является воплощением слепых, противоразумных, непознаваемых сил.

Конечно, интеллектуалистическое облачение неотомизма, так же как и его показная борьба против ирра-

¹ G. A. Wetter, *Il materialismo dialettico sovietico*, 1948, p. 398.

² *Ibid.*, p. 399.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 255.

ционализма, подчинено враждебной науке задаче: неомизм стремится доказать рациональный характер религиозного взгляда на мир. Тем не менее именно благодаря своему рационалистическому наряду неомизм, как пишет французский марксист Р. Гароди, «еще служит убежищем для людей науки, отворачивающихся от крикливого иррационализма некоторых модных философов. Томизм сохраняет в известной мере формы рационализма. И Ватикан пользуется им для удовлетворения требований тех интеллигентов, которые не желают «выбросить за борт» разум»¹.

Иррационализм с его отрицанием «божественности разума», конечно, противоречит ортодоксальному религиозному представлению о всевидящем, вездесущем существе, провидении. Некоторые иррационалисты, например М. Хайдеггер, называют себя даже атеистами, хотя и допускают существование сверхприродного, потустороннего, трансцендентного. Характерно, что Ватикан осудил учение Хайдеггера и некоторых других представителей экзистенциализма. Но дело прежде всего в том, что неомизм стремится использовать для себя противоречие между наукой, научными воззрениями на мир и познание и различными учениями иррационализма, принижающими науку и разум. Одним из первых публичных выступлений Ж. Маритэна была его книга против иррационалиста А. Бергсона, которого Маритэн, этот воинствующий проповедник средневековой схоластики, обвинил в пренебрежении к разуму. Однако расхождения между неомизмом и иррационализмом носят не программный, а тактический характер: оба эти направления проповедуют антиинтеллектуализм. Если иррационалисты ставят над разумом инстинкт, волю, то неомисты — откровение, религиозную веру.

Неомизм, конечно, не имеет ничего общего с верой в силу разума. Он лишь выступает против «крайностей» иррационализма, проповедуя соединение рационального с иррациональным, логического — с алогическим, науки — с религией. В этом смысле, по утверждению Ж. Маритэна, томизм примиряет «благодать и природу, веру и разум, теологию и философию, сверхъестествен-

¹ Р. Гароди, Вопросы марксистско-ленинской теории познания, ИЛ, М. 1955, стр. 13—14.

ные и естественные добродетели, духовный и светский порядок, спекулятивный и практический разум, мистическое созерцание и человеческое познание, верность вечным данным и разум времени»¹. И далее, подытоживая неотомистскую программу «рационалистического» обоснования мистицизма, Маритэн призывает: «...восстановить жизненные и органические отношения разума со сверхрациональным и сверхчеловеческим миром»².

Псевдорационалистический характер неотомистской философии наглядно обнаруживается и в ее требовании ограничения разума религиозными догматами. Не человеческому знанию, а священному писанию свойственна высшая разумность. Противопоставляя «затемненному» человеческому разуму мифический, сверхчеловеческий (божественный) разум, итальянская неотомистка Б. Маньини осуждает диалектический материализм, позитивизм и «атеистический» экзистенциализм как «мнимый философский подход» к миру. Действительный философский подход заключается, оказывается, в том, чтобы ограничить разум верой, или, как выражается Маньини, рассматривать «проблемы бога, бытия и всего существующего в духе смирения и стремления к истине»³. Не случайно также Маньини обвиняет рационализм XVII в. в том, что он «делает чистый и абстрактный разум преобладающей частью интеллекта». С ее точки зрения, в интеллекте преобладает не разум, а вера, интуиция. В XVII в. Декарт и другие рационалисты справедливо доказывали, что человеческий разум лишь тогда может правильно судить о вещах, когда он свободен от предвзятых, принятых на веру предпосылок. И именно за это осуждает рационализм Маньини, утверждающая, что «возвышение чистого разума, начавшееся с Декарта, привело к ограничению интеллекта»⁴.

Неотомистский псевдорационализм пытается выдать подчинение разума вере за подлинное освобождение и возвышение разума. Выступая против «картезианской революции», неотомисты имеют в виду не столько Декарта, сколько тех современных представителей науки,

¹ J. Maritain, De Bergson à Thomas d'Aquin, p. 108.

² Ibid., p. 110.

³ «The Philosophy of Communism», p. 121.

⁴ Ibid., p. 125.

в особенности марксистов, которые решительно отвергают союз науки с религией. Теологический «рационализм», проповедуемый неотомистами, является трусливой, лицемерной попыткой прикрыть враждебность религии науке.

Таковы основные философские положения неотомизма, наглядно свидетельствующие о его непримиримой враждебности науке, о его реакционности, отражающей загнивание современного капитализма и его борьбу против прогресса.

Неотомисты — апологеты капитализма

Социологические, социально-политические концепции неотомизма являются утонченной, замаскированной апологией капиталистического строя, прикрываемой лицемерной «критикой» капитализма и буржуазной демократии.

Теоретически обосновывая традиционный религиозный взгляд на общество, согласно которому все социальные институты служат осуществлению высшей божественной цели, неотомизм проповедует широко распространенную в буржуазной социологии «органическую» концепцию. По этой теории общество представляет собой определенный организм, в котором, как и во всяком живом организме, все части и органы взаимодействуют друг с другом, благодаря чему обеспечивается относительная автономия каждой части, координация, субординация и иерархия в целом. В энциклике «*Regim povatum*» (1891 г.), например, говорится: «...безусловно истинно, что, подобно тому как в человеческом теле различные члены сочетаются между собой и образуют гармоническое симметричное целое, так и природа хочет, чтобы в человеческом обществе эти два класса (имеются в виду пролетариат и буржуазия.— *Т. О.*) находились в гармонии и чтобы результатом этого было равновесие»¹. Не удивительно поэтому, что неотомисты рассматривают экономическую основу и политическую надстройку капитализма как вневременные сущности, которые непрерывно «реализуют» себя на всем протяжении человеческой истории и никогда не могут быть заменены качественно иными общественными отношениями.

¹ См. А. Тонди, Иезуиты, стр. 72—73.

С этой точки зрения наемный труд и капитал, рабочее и капиталисты составляют «естественное», функциональное, «органическое» деление общества, обеспечивающее жизнедеятельность общественного организма. Противоречия между пролетариатом и буржуазией свидетельствуют, по мнению неотомистов, лишь о том, что отношения между этими классами должны быть улучшены, усовершенствованы, очищены от злоупотреблений, своекорыстия, эгоизма и т. д. Все зло в истории человечества, заявляют они, проистекает лишь из того, что человек по самой природе своей ограничен, отягощен материальной стороной, несет на себе печать первородного греха. И никакие социальные преобразования, уверяют неотомисты, не могут изменить этой стороны человеческой жизни; одна только потусторонняя, загробная жизнь преодолевает это неизбежное зло. Но отсюда следует, что в этом земном мире трудящиеся должны отказаться от стремления полностью удовлетворить свои материальные потребности. Основой личности, говорит Маритэн, являются не материальные, земные, чувственные потребности, а нетленная душа, которая должна возвышаться над материальными потребностями индивидуума и стремиться к соединению с богом.

Так, с помощью традиционной поповской аргументации Маритэн пытается убедить массы трудящихся в том, что спасением для них является лишь покорность. Выдавая себя за друзей рабочего класса, эти апеллирующие к евангелию апологеты капитализма преследуют лишь одну цель — увести рабочий класс с пути революционной борьбы против капиталистических общественных отношений. Они призывают рабочих отказаться от ненависти к эксплуататорам, уверяя их, что естественный, богом установленный порядок предполагает существование частной собственности. Ватикан и его приспешники считают стремление рабочего класса уничтожить частную собственность на средства производства проявлением зависти и эгоизма. Сладкоголосые католические проповедники отыскивают божественный смысл во всех бедствиях, постигающих угнетенных и эксплуатируемых. Ведь все, что существует, уверяют они, установлено богом и, следовательно, служит для осуществления высшей божественной цели. С этой точки зрения

противоположность между бедностью и богатством установлена богом «для лучшего испытания человеческих достоинств», как заявлял Пий XII, т. е. очевидно для того, чтобы бедные не завидовали богатым, а богатые помогали бедным, занимались филантропией. Но если все имеет божественный смысл и назначение, то для чего, позволительно спросить, существует безработица? Не для того ли, чтобы предоставить безработным свободное время для молитвы?

Неотомисты объявляют величайшей ошибкой учение о том, что борьба между классами обусловлена объективной необходимостью. Они уверяют, что классовая борьба в значительной мере вызвана распространением марксистской теории. Свое собственное учение они рассматривают как реальное средство примирения классов. «Способствовать созданию гармонии между трудом и капиталом, развивать сознание общих проблем и нужд»¹ — в этом, по мнению американского неотомиста Кронина, состоит важнейшая задача социологии и политики. Неотомисты говорят, что те, кто сомневается в возможности достижения гармонии между трудом и капиталом, сомневаются тем самым в предустановленной божественной целесообразности и становятся, следовательно, на путь атеизма. Таким образом, в содержание религиозной веры непосредственно включается принципиальное неприятие борьбы классов. С этих позиций неотомистские социологи выступают против марксизма, против революционного движения. Ж. Маритэн утверждает, что «созерцательная жизнь выше активной жизни». Это значит, что не борьба, а примирение с существующими эксплуататорскими порядками является высшей мудростью и высшей добродетелью. Соответственно этому неотомисты обвиняют коммунистов в нереалистическом подходе к социальным проблемам, поскольку коммунисты стремятся к коренному преобразованию всей общественной жизни, а следовательно, и к изменению самой человеческой природы.

Что же означает пропагандируемый неотомистами «реалистический подход» к жизни? Это — смирение, безропотное ожидание воздаяния в мифической загробной

¹ J. F. Cronin, *Catholic Social Principles*, Milwaukee 1951, p. 725.

жизни. «Зависть, ревность, тщеславие, жажда власти — таковы человеческие слабости, которые не может изменить никакая экономическая утопия»¹, — пишет неотомист К.Бойер. Как видим, убеждение в возможности и необходимости ликвидации социальной несправедливости, вера в будущее человечества именуются здесь экономической утопией, хотя социализм давно уже превратился из утопии в науку и наука эта уже воплощена в жизнь в СССР и воплощается в других странах социалистического лагеря.

Апология капитализма неотомистскими социологами неразрывно связана с оправданием частной собственности, которую они объявляют необходимым проявлением человеческой индивидуальности. В энциклике «*Quadragesimo anno*», опубликованной в 1931 г., говорится: «В тот момент, когда в человеке пробуждается дух, а вместе с тем и сознание своей индивидуальности, в нем возникает сильнейшее желание владеть собственностью». Таким образом, стяжательство изображается первоначальной духовной потребностью формирующейся человеческой личности. Само собой разумеется, что неотомистская социология, как это свойственно буржуазной идеологии вообще, отождествляет собственность с частной собственностью и в общественной собственности усматривает отрицание всякой собственности.

Тот факт, что труд всегда и везде овеществляется, производит определенные вещи, истолковывается неотомистами так, будто бы товары представляют собой естественное, независимое от исторических условий порождение трудового процесса. Между тем труд всегда будет производить необходимые людям предметы, но эти предметы не всегда будут принимать товарную форму.

Отождествляя вещи и исторически преходящие товарные отношения, неотомистские социологи слово в слово повторяют вульгарную политическую экономию, разоблаченную Марксом и Энгельсом более 100 лет тому назад. С этих давно уже опровергнутых наукой позиций неотомисты обвиняют марксизм в том, что он отрицает личную собственность, стремится к установлению общности имущества и «абсолютного равенства». Кронин, приписывая марксизму эти «смертные грехи», доказывает

¹ «*The Philosophy of Communism*», p. IX.

также, что коммунистический идеал основан на отрицании реальности духовного, морального, индивидуальности, семьи и т. д.

Неотомистские социологи, отождествляя исторический материализм с вульгарным буржуазным материализмом, пытаются изобразить социализм как общественный строй, игнорирующий духовные потребности людей. Материалистическое решение основного вопроса философии выдается за оправдание корыстолюбия, чревоугодия и прочих низменных побудительных мотивов, господствующих в буржуазном обществе. В истолковании неотомистов противоположность между социализмом и «христианской цивилизацией» (т. е. капитализмом) предстает не как противоположность двух социально-экономических систем, а как противоположность между моралью и аморализмом, между положительным религиозным учением и абсолютным нигилизмом.

Неотомистские философы и социологи уверяют своих читателей и слушателей в том, что все общественные вопросы в сущности сводятся к вопросам религиозным, а классовые битвы — к борьбе единой всеспасающей религии против всевозможных ересей. Борьба между пролетариатом и буржуазией, противоречие между двумя мировыми социальными системами — социализмом и капитализмом, — все это с неотомистской точки зрения одна только видимость. В действительности же сущность истории составляет борьба между истинной, т. е. католической, религией и псевдорелигией, разновидностью которой является, как считают неотомисты, социалистическое учение. Отсюда понятно, почему итальянский неотомист Джорджо ла Пира утверждает, что «источником драматического напряжения современного исторического периода является не борьба между капиталистическим и коммунистическим обществами, а борьба между христианством и коммунизмом»¹. С этой точки зрения освободительное движение трудящихся, направленное на коренное преобразование общественной жизни, рассматривается как покушение на самим богом установленные принципы, устои.

Неотомистские теоретики пытаются убедить широкие массы трудящихся в том, что революционная борьба

¹ «The Philosophy of Communism», p. 8.

против капитализма не может привести к созданию нового общества, свободного от пороков, присущих капитализму. «Только милосердие божье может создать нового человека»¹, — говорится в предисловии к уже упомянутому выше неотомистскому сборнику «Философия коммунизма». Поскольку научный коммунизм решительно отвергает эту религиозную постановку вопроса относительно путей общественного прогресса, неотомисты объявляют это учение... религиозной ересью, «теологией материализма».

Таким образом, неотомисты объявляют религиозными ересями все враждебные католицизму (и капитализму) учения. С этой точки зрения даже атеизм представляет собой не просто отрицание религии, а псевдорелигию, религиозную ересь, религию... сатаны. Стремясь всячески замазать тот факт, что существует научный подход к миру, принципиально исключающий религиозные воззрения на мир, неотомисты рассматривают всякое мировоззрение как религиозное. Они объявляют религиозным и антирелигиозное марксистско-ленинское мировоззрение, заявляя, что для коммунистов наука является будто бы «новым откровением», а партийность в философии — чем-то вроде «потребности верить в бога». Так, уже упоминавшийся выше Джордж ла Пира в статье «Марксизм и христианство — две противоположные идеологии» пишет: «Коммунизм — это целостное толкование действительности, следовательно, это теология»². Не приходится доказывать, что научное понимание единства мира не имеет ничего общего с теологией, а, напротив, принципиально ей противоположно. Единство мира в его материальности, учит диалектический материализм, из чего прямо и непосредственно вытекает отрицание религиозного мировоззрения.

Единственно истинной теологией с точки зрения неотомистов является, конечно, католическая теология, из чего неотомисты делают вывод, что научный социализм — это «сатанинское» мировоззрение, которое, как утверждает Г. Веттер, «противопоставляет себя богу и стремится занять его место»³.

¹ «The Philosophy of Communism», p. X.

² Ibid., p. 5.

³ G. Wetter, Der dialektische Materialismus, seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion, S. 581.

Марксистская философия, заявляет этот отец-иезуит, освобождает человека от смирения и страха перед всевышним, внушает ему гордость и веру в свои собственные силы. Это в особенности страшит Веттера и его единомышленников в философии марксизма. Поэтому-то библейский змей, соблаздивший мифическую прародительницу человечества Еву, оказывается, так сказать, главным предшественником, если не основоположником материалистического миропонимания. Согласно христианскому вероучению, существование дьявола и его враждебного богу воинства не подлежит сомнению. И в тех случаях, когда неотомисты обращаются к верующим людям, они пытаются разделаться с марксизмом-ленинизмом примерно так же, как это делает какой-нибудь священнослужитель, «изгоняющий» беса. Понося научную идеологию пролетариата, буквально как дьявольское наваждение, неотомисты явно рассчитывают на невежественных слушателей.

Неотомист И. Джордани видит в марксизме «таинственные, дьявольские, нечеловеческие силы», направленные против установленного богом порядка вещей. Стремясь напугать верующих людей, Джордани совершенно серьезно пишет, что марксизм воплощает в себе «стремление сатаны поразить бога». Другой неотомист — Г. Петерфи обвиняет коммунистов в том, что они вопреки богу стремятся создать рай на земле, и, осуждая «мятеж против бога, поднятый коммунизмом», пропагандирует «реалистический подход» к проблемам общественной жизни, т. е. примирение с тем, что есть. Третий представитель неотомистской философии — К. Бойер заявляет, что марксизм ограничивает человечество «земными горизонтами», тогда как религия открывает перед человеком соблазнительные перспективы загробного блаженства.

Таковы традиционные «теоретические» положения неотомистов, широко пропагандируемые ими в массе верующих католиков. Однако было бы упрощением полагать, будто неотомистская социология ограничивается лишь такого рода примитивными приемами борьбы против социализма. Католическая идеология стремится проникнуть во все слои населения и соответственно этому меняет свою аргументацию. Прямое, открытое восхваление капитализма давно уже потеряло кредит. Поэтому идеологи капитализма все чаще и чаще выступают уже

не с открытым забралом, а как своеобразные «критики» капитализма, пытаясь в то же время доказать возможность разумного переустройства общественной жизни на базе капитализма.

Со времени завоевания марксизмом господствующего положения в рабочем движении Западной Европы католическая реакция все более и более начинает заигрывать с рабочим движением, пытаясь отвлечь его от пути, указываемого научным коммунизмом. Папа Лев XIII в 1891 г. в энциклике «*Regim poваgит*», осуждая социализм и коммунизм и утверждая, что «капитал не может существовать без труда, а труд без капитала», вместе с тем призывал капиталистов установить «справедливую заработную плату», а рабочих — видеть в капиталистах самим богом поставленных руководителей. Не ограничиваясь обычным для католических проповедников утверждением, что «лишь расставание с земной жизнью означает начало нашей настоящей жизни», Лев XIII уверял трудящихся, что католическая церковь является защитницей их интересов и на земле, ибо Христос «тоже был рабочим». Осуждая классовую борьбу как якобы противоестественное явление, Лев XIII, однако, не выступал прямо против рабочего движения: он призывал трудящихся объединяться в католические профсоюзы. Эта весьма восхваляемая буржуазными писателями папская энциклика вполне уже обнаруживает стремление католической церкви приспособиться к новой исторической эпохе, когда рабочий класс выступает уже как самостоятельная, организованная, угрожающая существованию капитализма общественная сила. «Рабочие, — писал через год после опубликования этой энциклики известный католический деятель А. Канненгисер, — образуют армию, которая насчитывает миллионы солдат. К этой армии надо относиться по-серьезному»¹.

Страх перед могуществом рабочего класса вынуждал идеологов буржуазии все более и более становиться на путь самой безудержной социальной демагогии. Не удивительно поэтому, что и неотомисты, отстаивая экономическую основу капитализма, становятся в позу критиков буржуазного общества, противников «злоупотреблений», требуют «разумного экономического законодательства», повышения ответственности капиталистов, внедрения

¹ А. Kannengieser, Catholiques allemands, p. 177.

принципов христианской справедливости в отношении между буржуазией и пролетариатом. Они выступают против «извращения» частной собственности, против превращения ее в средство угнетения, подавления личности и т. д., создавая иллюзии, будто бы частная собственность на средства производства может служить общему благу, всему населению. К. Бойер, например, подчеркивает, что именно с целью борьбы против коммунизма необходимо «удовлетворить законные чаяния рабочего класса». Маритэн, провозглашая, с одной стороны, старый теологический тезис «всякая власть от бога», с другой стороны, заявляет, что «ни один человек и никакая особая группа людей не имеют права командовать другими людьми»¹. Кронин, превознося до небес буржуазный индивидуализм, в то же время уверяет, что «индивидуализм и коллективизм соотносительны»², т. е. неотделимы друг от друга. Он же выступает, во всяком случае на словах, против «антисоциальной и антихристианской практики», требует повышения жизненного уровня трудящихся, дешевого кредита для фермеров, осуждает бюрократическую централизацию государственной власти при капитализме, высказывается за развитие местного самоуправления, за более равномерное распределение общественного богатства и т. д. и т. п.

Конечно, все эти требования и критические замечания в адрес капиталистов ни в малейшей мере не угрожают капиталистической системе, так как частную собственность, капитал неотомисты оставляют неприкосновенными. Более того, частная собственность и отказ от борьбы классов рассматриваются как обязательные, необходимые условия, для того чтобы улучшить положение трудящихся. Поэтому неотомистская псевдокритика капитализма порождает лишь иллюзии, а не стремление к борьбе против капиталистической системы. Но благодаря этой «критической» позиции неотомизм не только в философии, но и в социологии выступает как довольно гибкая, хитроумная система взглядов, рассчитанная на обман широких масс, в особенности мелкой буржуазии.

Антикапиталистическая фразеология не является, конечно, монополией одной лишь католической реакции: и

¹ J. Maritain, *Christianisme et Democratie*, New York 1943, p. 58.

² J. F. Cronin, *Catholic Social Principles*, p. 216.

фашисты, и лидеры правых социалистов постоянно выступали и выступают с антикапиталистической декларацией. Все эти верные холопы империалистической реакции пользуются в основном одними и теми же приемами, отличаясь друг от друга разве только характером аргументации. В наше время капитализм настолько дискредитировал себя в сознании широких трудящихся масс, что «критика» капитализма становится общепринятым приемом идеологической защиты буржуазного строя. Если фашисты непосредственно апеллируют к наиболее низменным чувствам, к зоологическому индивидуализму буржуа, а лидеры правых социалистов проповедуют буржуазную идеологию с помощью псевдонаучной и псевдосоциалистической аргументации, то неотомисты ссылаются на священное писание. Понятно поэтому, почему лидер французских правых социалистов Л. Блюм рекомендовал принять Ватикан в ООН. Тот же Блюм утверждал, что католическая концепция настолько приближается к воззрениям правых социалистов, что противоречия между ними просто невозможны. Неотомисты со своей стороны отвечают правосоциалистическим партиям, стоящим на позициях классового сотрудничества, весьма дружелюбным отношением. «Требования этих партий,— пишет, и не без основания, неотомист Ж.Дожа,— поразительно сходны с предложениями тех, кто желает построить общество образно христианским принципам»¹.

Социальная демагогия католических реакционеров является неопровержимым свидетельством реальной мощи рабочего движения и его научной, коммунистической идеологии. Именно поэтому неотомистские теоретики — заклятые враги социализма и рабочего движения вообще — лицемерно утверждают, что стремление рабочих «облегчить свою участь» вполне правомерно. Что же рекомендуют неотомисты для уничтожения присущих капитализму пороков? Прежде всего, конечно, веру, католическую веру. Только эта вера, по их мнению, может привести к идеальному общественному устройству, при котором люди смогут жить в мире и счастье, располагать достаточными средствами к существованию, пользоваться эффективной защитой против насилия, пребывать на сво-

¹ J. Daujat, *Catholicisme et Socialisme*, Paris 1951, p. 11.

боде, ограниченной только требованиями общего блага. В этом отношении весьма характерно одно из рождественских посланий Пия XII, в котором говорится, что «церковь осудила различные системы марксистского социализма и осуждает их по сей день, ибо ее долг и ее постоянное право — уберегать человека от течений и влияний, подвергающих опасности его вечное спасение». Провозгласив, что научный коммунизм угрожает вечному спасению верующих, Пий XII вместе с тем вынужден все же кое-что обещать трудящимся и на этой бренной земле. Поэтому он пишет: «Однако церковь не может игнорировать, не может не видеть того, что рабочий, пытаясь облегчить свою участь, вступает в столкновение с системой, которая не только не соответствует природе, но и противна порядку вещей, предопределенному богом, и назначению, которое он дал земным благам»¹. Конечно, под «системой» папа римский подразумевает не всю капиталистическую систему, а лишь отдельные акты несправедливости, которые он не связывает с экономическим строем, а противопоставляет ему как нечто несвойственное этому строю, наносное. Поэтому он тут же заявляет, что рабочие, борющиеся против капитализма, «последовали ложным и опасным путем, заслуживающим осуждения».

Единственно, что допустимо и в определенных условиях даже неизбежно, — это реформы, не угрожающие существованию самой системы, уступки, которые призваны укрепить ее социальную базу. Неотомистские социологи обвиняют капиталистов, с одной стороны, и борющихся пролетариев — с другой, в отсутствии надлежащей веры в божественное провидение. Если бы обе стороны были достаточно религиозны, они смогли бы договориться друг с другом. Капиталисты должны-де заботиться о рабочих, как о братьях во Христе, а рабочие в свою очередь должны ограничивать свои требования, памятуя, что страдать и терпеть — удел человека.

Призывая к «разумному законодательству», основанному на принципах «христианского милосердия», неотомизм вместе с тем предупреждает рабочий класс, чтобы он не надеялся на слишком многое и удовлетворялся малым: человечество должно безропотно нести свое бремя, ибо устранить из мира социальное неравенство невоз-

¹ «The Philosophy of Communism», p. 263.

можно. Ведь, как известно из рассказов евангелистов, мифический апостол Павел возвратил беглого раба хозяину. Это значит, что рабочие должны смиренно нести свой крест. «Социальная проблема,— говорит Кронин,— есть прежде всего моральная и духовная проблема»¹. Иными словами, единственным путем социального преобразования может быть лишь моральное самоусовершенствование. Таким образом, социологическая концепция неотомизма неразрывно связана с религиозным моральным учением, которое, провозглашая евангельские заповеди любви к ближнему и всепрощения, запрещает борьбу против зла и проповедует примирение с ним. Это сведение социально-политических вопросов к моральным идеологически обезоруживает трудящиеся массы в их борьбе против социального угнетения.

Неотомисты упрекают капиталистов в том, что они в чрезмерном количестве производят предметы роскоши и в недостаточном количестве — «полезные вещи». Ж. Маритэн демагогически обвиняет буржуа в отсутствии у них христианского бескорыстия и веры в божественное провидение, управляющее судьбами истории. Угрожая капиталистам перспективой пролетарской революции, этот неотомистский лидер призывает их «заботиться» о рабочих, относиться к ним не как к рабам, а как к братьям во Христе и т. д.

Неотомистские заявления о том, что они не являются сторонниками капитализма, сочетаются с самой откровенной враждебностью к коммунизму. Объявляя себя противниками и той и другой «крайности» — и капитализма и коммунизма, неотомисты провозглашают единственно верным «средний путь», якобы указываемый христианским вероучением. «Средний путь,— говорит Кронин,— является единственной надеждой»². Для этого «среднего пути» характерно возрождение некоторых черт средневекового общественного устройства, в частности цеховой организации производства, децентрализации власти и прежде всего возрождение духовной диктатуры церкви с ее экономической основой — церковной собственностью. Американский неотомист Гаррингтон в своей книге «Католицизм, капитализм или коммунизм», выдержавшей не-

¹ J. F. Cronin, *Catholic Social Principles*, p. 689.

² Ibid., p. 726.

сколько изданий на английском и других языках, пишет, что преодолеть крайности капитализма и коммунизма можно лишь путем возвращения к средневековому корпоративному цеховому строю. Гаррингтон считает, что возвращение к феодализму вполне возможно, ибо, по его мнению, не существует никаких объективных законов человеческой истории. С помощью субъективно-идеалистической волюнтаристской формулы «нет ничего невозможного» Гаррингтон рекомендует повернуть историю вспять. С таким же основанием он мог бы предложить заставить Землю вращаться в обратном направлении.

Гаррингтон далее утверждает, что возрождение средневековой системы уже происходит. Уподобляясь феодальным псевдосоциалистам, критиковавшим капитализм с позиций аристократической реакции, Гаррингтон в самых розовых красках рисует феодальный строй как идеальное общественное устройство, в котором налицо всеобщее процветание, коллективизм, взаимопомощь. Особенно превозносится деревенская жизнь, как имеющая крепкие моральные устои. При этом Гаррингтон подчеркивает, что его план социальных преобразований в корне противоположен социализму, ибо основой этого преобразования должно быть не уничтожение капитала, а его рациональное применение. Католицизм, подчеркивает Гаррингтон, тем-то и отличается от коммунизма, что он не осуждает капитала, но думает лишь о «правильном» его употреблении. Оказывается все дело в том, *кто* применяет капитал. Раньше капитал применялся церковью, и это, по мнению Гаррингтона, не было эксплуатацией трудящихся. Когда же капитал стал применяться бессердечным капиталистом, думающим лишь о своей выгоде, тогда возникли нищета, господство одних над другими и т. д. Капитал, в толковании Гаррингтона,—это просто сумма средств производства, а не исторически-определенное общественное отношение, при котором один класс производит прибавочную стоимость, а другой класс ее присваивает. С точки зрения Гаррингтона, одной из главных причин всех социальных зол явилась конфискация (секуляризация) церковных земель и уничтожение средневековых цехов и корпораций.

Центральным пунктом этой реакционной утопической программы возрождения средневековых общественных порядков является положение о необходимости всемер-

ного привлечения церкви к управлению государством. В средние века католическая церковь располагала значительной политической властью. Именно это обстоятельство, по мнению неотомистов, смягчало противоречия между различными группами населения, обеспечивало устойчивость феодальных порядков. И неотомисты пытаются доказать, что привлечение церкви к управлению государством способно предотвратить гибель буржуазного общества.

Само собой разумеется, что неотомистский лозунг «ни капитализм, ни коммунизм» ничем не угрожает капиталистам. Неотомистские разглагольствования о том, что богатства капиталистов должны стать «орудием любви», прикрывают не что иное, как новейшую разновидность защиты капиталистического строя, ибо то, что неотомисты называют «средним путем», представляет собой лишь подкрашенный, идеализированный капитализм.

Вся эта елейная ханжеская болтовня о «среднем пути» направлена лишь на то, чтобы внушить трудящимся бессмысленные надежды на возможность «усовершенствования» капиталистической системы. Это, конечно, реакционная утопия, ибо никакого среднего пути между капитализмом и социализмом нет и быть не может. Однако она привлекает мелкобуржуазные элементы, которые действительно колеблются между капитализмом и социализмом, между рабочим классом и буржуазией. Именно поэтому теория «среднего пути», провозглашенная как социальная доктрина католицизма, в настоящее время стала общепринятым учением различных течений буржуазной социологии.

Один из вариантов этой реакционной буржуазной концепции пропагандирует, например, известный американский прагматист, заклятый враг научного социализма Сидней Хук в книге «Маркс и марксисты». Основная идея Хука заключается в том, что переход от капитализма к социализму есть одна из исторических возможностей, что существуют и другие исторические варианты, которых не хотят замечать марксисты, коммунисты. Вот что пишет Хук: «Имеются различные альтернативы... как например сочетание частной собственности на средства производства с широким социальным контролем в области собственности и смешанная экономика с частными и общественными секторами. И та и другая альтер-

нативы одинаково далеки от марксистской концепции капитализма и социализма»¹.

Следует отметить широко употребляемый современными апологетами капитализма термин «смешанная экономика». Это, уверяют буржуазные социологи и солидаризующиеся с ними ревизионисты, экономика не капиталистическая и не социалистическая, но включающая в себя элементы того и другого общественного строя и образующая якобы третий, «новый», или «средний», строй в отличие от «крайностей» капитализма и социализма.

Той же апологетической цели служит и другое применяемое буржуазными социологами понятие — «селективное изменение». Селективное изменение — это значит изменение, осуществляемое по выбору. Селекционер выбирает те или иные формы животных или растений, с тем чтобы добиться дальнейшего их совершенствования. Так же, по мнению буржуазных социологов, поступают и государственные деятели, избирая ту или иную общественную форму.

Буржуазная субъективистская концепция «среднего пути» целиком и полностью воспринята современными ревизионистами. Западногерманский правый социалист Пауль Зеринг в книге «По ту сторону капитализма» доказывает, что современный капитализм — это уже не капитализм, а такое общество, которое находится по ту сторону капитализма: оно-де не является ни социализмом, ни капитализмом, а представляет собой смешанную экономику, которую возглавляет надклассовое государство, выступающее в роли спасителя всех. Примерно такие же взгляды проповедают и сторонники так называемого «демократического социализма», которые утверждают, что существует социализм, качественно отличающийся от уже построенного в СССР и строящегося в других странах социалистического лагеря и вместе с тем отличающийся от капитализма. Однако если проанализировать сущность этой концепции «демократического социализма», то она представляет собой не что иное, как идеализацию современной капиталистической экономики. Недаром же английские лейбористы, когда они находились у власти, утверждали, что система «демократического социализма»

¹ S. Hook, *Marx and the Marxists*, New York 1955, p. 38—39.

уже осуществлена в Англии, т. е. в капиталистической стране.

Капиталистическое обобществление современные ревизионисты пытаются выдать за социалистическое обобществление, концентрацию капитала — за переход к социалистической форме собственности.

Югославские ревизионисты проповедуют в сущности такую же концепцию «среднего пути». Судя по основным положениям программы Союза коммунистов, так называемый югославский социализм изображается как особый путь развития общества, который пролегает между двумя мировыми лагерями — социализмом и капитализмом. Чтобы обосновать эту реакционную утопию, югославские и другие ревизионисты утверждают, что противоположность между социализмом и капитализмом фактически непрерывно уменьшается и стирается, т. е. капиталистические страны также идут по пути социализма.

Предпосылки социализма в капиталистических странах ревизионисты выдают за его структурные элементы.

Итак, в реакционной утопии «среднего пути», которую столь настойчиво проповедуют неотомистские социологи, нет ничего специфического. Эту буржуазную «теорию» проповедуют и социологи других, далеких от неотомизма течений. Не брезгали ею и фашистские «теоретики», которые громогласно объявляли себя противниками капитализма и социализма и сторонниками якобы принципиально новой общественной формы, которую Муссолини называл «корпоративным государством», т. е. государством, построенным на сотрудничестве различных профессий и якобы исключаящим классовые различия. Отсюда ясно, что сладенькая водица неотомистских проповедей необходима империалистической буржуазии, так как под флагом «среднего», или же «третьего», пути она стремится окончательно подавить демократию и установить террористическую диктатуру монополистического капитала. Эту антидемократическую социальную и политическую программу Маритэн именует «христианской демократией» и противопоставляет ее, с одной стороны, социалистической демократии, с другой — буржуазно-демократическим порядкам.

Как ни расплывчато понятие «христианской демократии», тем не менее очевидно, что оно представляет собой критику буржуазной демократии справа, с позиций анти-

демократизма. Сторонники «христианской демократии» пропагандируют активное участие церкви в управлении государством. Маритэн утверждает, что демократия вообще имеет своим источником христианскую религию и представляет собой светское проявление евангельского внушения. Отсюда делается вывод, что лишь «христианская демократия» может быть подлинной демократией, обеспечивающей действительную свободу личности. В опубликованной в 1943 г. в Нью-Йорке книжке «Христианство и демократия» Маритэн обвиняет буржуазную демократию в том, что она не руководствуется евангелием. Следствием этого, говорит он, является то, что рабочий класс ищет спасения вне церкви, из этого же якобы происходят борьба классов, классовый эгоизм и прочие нетерпимые, по мнению Маритэна, вещи.

Истинная сущность «христианской демократии» особенно обнаруживается, когда Маритэн объявляет, что эта демократия не обязательно связана с республиканским режимом, со всеобщим избирательным правом; ее высшим выражением оказывается политическое господство «элиты», т. е. избранной верхушки, в которую Маритэн включает наряду с представителями правящих капиталистических кругов и виднейших церковных деятелей. Иначе говоря, «христианская демократия» — это что-то вроде теократической фашистской диктатуры, а «средний», якобы некапиталистический, путь развития буржуазного общества — это система реакционных идеологических мер укрепления капиталистического строя. Маритэн, хотя и объявляет себя противником «тоталитарного варварства» (книжка-то вышла в 1943 г.!), тем не менее предлагает вручить государственную власть «избранной» кучке представителей господствующего класса, олигархии миллиардеров, выдаваемых за аристократов духа. Маритэн недвусмысленно заявляет, что демократия нуждается не в республиканском устройстве, а в христианском духе.

Итак, «демократия» без республики — такова программа Маритэна, замаскированная лживыми утверждениями, что благодаря христианским принципам монархия может быть демократичнее республики. Главное в этой программе — придать государственной власти теократическую форму, иначе говоря, передать политическую власть церкви вкупе со всякого рода «христианскими»

буржуазными партиями в расчете на то, что верующие массы не посмеют пойти против церкви.

Предлагая замену буржуазной демократии теократической олигархией, Маритэн всячески поносит социалистическую демократию, пытаясь доказать, что демократия вообще невозможна на почве атеистической идеологии, что главным источником свободы, равенства и братства может быть лишь религия.

Поскольку христианство вообще проповедует непротавление злу, то неотомистские моралисты рекомендуют трудящимся массам не оказывать сопротивления диктатуре капитала. Отсюда понятно, почему католические философы считают одной из первостепенных своих задач дискредитацию коммунистической этики, которая является этикой революционной борьбы, отвергающей рабское смирение. Поскольку коммунистическая нравственность в корне противоположна религиозной, неотомистские «критики» объявляют ее «извращением» христианской морали. Так, уже упоминавшийся выше Г. Петерфи пишет: «В революционной коммунистической этике нетрудно увидеть христианскую этику, вывернутую наизнанку»¹. Вывод, который делает Петерфи, очевиден: надо от «извращений» христианской этики вернуться к подлинному христианскому учению о морали. Явно рассчитывая на верующих читателей и пытаясь их запугать, Петерфи подчеркивает, что марксистско-ленинская этическая теория «отвергает принципы христианской этики, а именно существование бога и сотворение человека»². И именно потому, что марксизм отвергает этические принципы христианства, неотомист объявляет коммунистическую этику еретическим истолкованием христианской этики. Следуя этой схоластической логике, Петерфи утверждает: «Коммунизм стремится создать земной рай для человека, христианство же стремится дать людям царство божие, которое, однако, не в этом мире. Оба являются эсхатологическими учениями, оба провозглашают конец нынешней эпохи и ожидают наступления нового мира»³. Как следует из этой тирады католического критика коммунистической этики, конечная цель

¹ «The Philosophy of Communism», p. 228.

² Ibid., p. 237.

³ Ibid., p. 239.

рабочего класса, т. е. создание бесклассового общества, представляется ему, Петерфи, неосуществимой и чуть ли не противоестественной. Чтобы дискредитировать идею коммунистического преобразования общественной жизни, Петерфи отождествляет коммунистическое представление о будущем человечества с библейской легендой о рае, который, как говорят католические идеологи, неосуществим на земле. Само собой разумеется, что утверждения Петерфи — клевета на научный коммунизм. Бесклассовое коммунистическое общество не отменяет объективной исторической закономерности, необходимости и, в частности, не отменяет необходимости трудиться, бороться со стихийными силами природы, подчиняться дисциплине труда и т. д.

Петерфи называет научный коммунизм эсхатологическим учением¹. Но, по учению научного коммунизма, уничтожение капитализма означает лишь конец предыстории человечества (т. е. антагонистической классовой формы общественного развития) и начало его действительной истории, истории бесклассового общества.

Только реакционные буржуазные идеологи воображают, будто гибель капитализма означает всемирно-историческую катастрофу и чуть ли не конец мира. Марксизм-ленинизм, напротив, опровергает эти нелепые представления реакционеров, которые не видят дальше своего носа. Именно с установлением коммунистического строя человечество небывалыми еще в истории темпами устремится вперед, к новым достижениям и победам. Петерфи утверждает, что коммунисты «ожидают наступления нового мира». Это, конечно, не так. Ожидают манны небесной лишь находящиеся в плену католических и прочих религиозных предрассудков люди. Коммунисты же не ждут, а борются за светлое будущее трудящихся. Это-то и пугает католических идеологов империалистической реакции, потому-то они и выдают этику революционной борьбы за извращение «истинной», т. е. религиозной, этики.

Призывая трудящиеся массы к смирению, католические идеологи прямо и непосредственно служат тем черным силам, которые подавляют гражданские права, лик-

¹ *Эсхатология* — религиозное учение о конце мира, о втором пришествии.

видируют последние остатки демократии, лихорадочно готовят фашистскую диктатуру.

Маритэн демагогически обращается к трудящимся с призывом быть «обновителями и вдохновителями» мира между классами. Бедным-де надлежит подать пример богатым и научить их христианскому бескорыстию. В общем, все сводится к тому, что трудящиеся должны смириться, обратиться за спасением к церкви, которая только и может быть арбитром в историческом споре между трудом и капиталом, и тогда будет, наконец, установлена «христианская демократия», которая отменит «систему зарплаты» (заработной платы) и сделает каждого члена общества собственником. Впрочем, действительное равенство, как утверждает Маритэн, именуемый обычно «великим философом порядка», возможно лишь в «сверхъестественном» строе, т. е. на том свете.

Если буржуазия XVII—XVIII вв. боролась за освобождение светской власти от церковной, религиозной опеки, то современная, империалистическая буржуазия стремится укрепить свои подтачиваемые историей позиции с помощью церкви. Не отделение церкви от государства, а теснейший союз между ними, превращение государства в предмет религиозного почитания, в непререкаемый абсолют — таков идеал империалистической буржуазии, проповедуемый ее неотомистскими прислужниками. То обстоятельство, что в ряде капиталистических стран Европы у власти находятся клерикальные партии, показывает, что империалистическая буржуазия в некоторой степени осуществляет этот план.

Отсутствие сколько-нибудь существенных разногласий, теоретических дискуссий, почти абсолютное совпадение воззрений — все эти столь характерные для всей неотомистской пропаганды особенности наглядно свидетельствуют о том, что вся она инспирируется, организуется, вдохновляется и, конечно, оплачивается из одного и того же центра. Все эти представители современной католической реакции идеализируют современный, в особенности американский, капитализм, превозносят «опыт», «гибкость» и прочие качества католической церкви; все они провозглашают наступление в недалеком будущем новой, католической эпохи на американском континенте и всячески доказывают, что прочный союз Уолл-стрита и Ватикана гарантирует капитализм от всяких неприят-

ностей и обеспечивает на всей земле ...всеобщий мир и благоденствие.

Неотомистские «теоретики», как и все католические идеологи капитализма, любят разглагольствовать о своей любви к миру, о своем желании ликвидировать войны на земле. Неотомист Р. Арэ, например, провозглашает: «Проблема мира — великая проблема нашего времени»¹. Руководство Ватикана не скупится на всякого рода миролюбивые декларации, хотя именно Пий XII запретил католикам участвовать во всемирном движении сторонников мира. Неотомисты провозглашают, что укрепление мира является главной задачей католицизма, ведь католическая церковь считает своей целью переустройство общественной жизни на началах христианской любви к ближнему, на основе евангельской заповеди: «Не убий!» Кто после этого может сомневаться в ее миролюбии? Однако миролюбие католических идеологов носит показной, лицемерный характер. На самом же деле, их елейные разглагольствования о «достоинстве личности», о «христианском гуманизме» прикрывают оголтелую проповедь крестового похода против СССР и других социалистических стран. При этом «теоретическими» аргументами католических барабанщиков нового крестового похода против коммунизма являются, в частности, аргументы реакционного космополитизма, издавна находящиеся на идеологическом вооружении Ватикана.

Еще французские материалисты XVIII в. изобличали католическую церковь в антипатриотическом пренебрежении интересами родины ради любви к богу. П. Гольбах в «Галерее святых» отмечал стремление папства к мировому господству, его враждебность идее отечества, народности и т. д. В книге «Карманное богословие» Гольбах следующим образом разъясняет слово «Родина»: «У истинных христиан ее нет на земле; они граждане иного мира, их родина на небесах... Священники и те, кто верны им, потому и являются плохими гражданами земного града, что это дает им возможность быть лучшими гражданами града небесного»².

Таким образом, католицизм давно уже является проповедником национального нигилизма, сыгравшим свою

¹ R. Arès, *L'Église catholique et l'organisation de la société internationale contemporaine*, Montréal 1949, p. 5.

² П. Гольбах, *Карманное богословие*, стр. 215—216.

реакционную роль еще в те времена, когда буржуазия, будучи прогрессивным классом, выступала за национальный суверенитет и национальную независимость. Отсюда понятно, почему теперь, когда космополитизм стал официальной идеологией империализма, в особенности американского, католический космополитизм Ватикана, естественно, в моде. США провозглашаются политической основой мирового господства, Ватикан — духовной.

Философские апологеты католицизма, в частности Гаррингтон, в своей уже упоминавшейся книге «Католицизм, капитализм или коммунизм» также проповедуют космополитизм. По мнению Гаррингтона, непреходящей заслугой католической церкви является то, что она всегда игнорировала национальные, территориальные различия и считала патриотизм своего рода идолопоклонством. Это безмерно циничное отношение к патриотическим чувствам народов свойственно не одному только Гаррингтону. И другие философствующие космополиты из католического лагеря всячески стараются вытравить из сознания народных масс чувство национального достоинства, сдержат стремление к национальной независимости, объявляя патриотизм «разлагающей силой».

В 1942 г. в американском католическом университете в Вашингтоне неким Джеральдом Бенкертом была защищена диссертация на тему «Томистская концепция международного общества». В этой диссертации автор исходит из энциклики Пия XI (1926 г.), объявляющей учение Фомы Аквинского идейной основой мирового космополитического государства. Если в 1919 г. иезуит Вульф утверждал, что международное общество будет создано лишь в ХХХ в., то в 1942 г. иезуит Бенкерт утверждает, что объединенными силами США и Ватикана это дело может быть осуществлено уже в ХХ столетии. Проводя в своей диссертации официальную точку зрения американского епископата, космополитствующий псевдоученый доказывает, что все великие империи в истории человечества создавались лишь благодаря войне. Но Римской империи, так же как и империи Александра Македонского, не хватало христианской основы, вследствие чего они сравнительно быстро распались.

Не приходится доказывать, что вопреки уверениям Бенкерта империя Александра Македонского и Римская империя распадалась отнюдь не потому, что они были

лишены «христианской основы», а потому, что они представляли собой насильственное объединение разных народов, не живущих единой экономической жизнью. Такая же судьба постигла и Германскую империю в средние века, несмотря на то что она была «христианской» империей. Однако Бенкерт предпочитает умалчивать об этом совершенно очевидном факте. Он пытается доказать, что с помощью Ватикана США смогут, наконец, осуществить задачу создания мирового капиталистического государства.

Католический диссертант, выступивший в 1942 г., когда Советский Союз громил в тяжелых боях гитлеровские полчища, утверждал, что мира нельзя достигнуть победой над фашизмом. Установление мира, говорил Бенкерт, возможно лишь путем отказа народов от национального суверенитета. Бенкерт писал, что к этому призывал еще «святой» Фома, учение которого автор прямо называет «основой истинного международного общества»¹.

Так, уже в разгар второй мировой войны, когда на полях нашей Родины решались судьбы цивилизации, католические прислужники империалистической реакции вынашивали идею нового похода против национальной и государственной независимости народов с целью установления мирового господства американского капитала.

Неотомисты пытаются доказать, что причинами второй мировой войны явились борьба классов и, в частности, рабочее движение, победа социализма в СССР, распространение материализма и вообще научного взгляда на природу и общество, что неизбежно ведет к атеизму, неудовлетворенности существующим, а это будто бы и приводит к войне. Так, например, Ж. Маритэн в опубликованной в 1946 г. книжке «Сквозь бедствия» пишет, что война возникла не вследствие развития противоречий капитализма, а потому, что массы недостаточно религиозны, недостаточно покорны воле всевышнего, а следовательно, и установленным им общественным порядкам. Во всем этом виноват, по Маритэну, социализм, Советский Союз.

¹ G. F. Benkert, *The Thomistic Conception of an International Society*, Washington 1942, p. 176.

Маритэнам нет дела до действительной истории, показывающей, что зачинщиками грабительских войн всегда и везде являются эксплуататорские классы.

Ссылаясь на «глубокие метафизические основания»¹ первой мировой войны, отрицая ее действительные причины, Маритэн требует искоренения коммунизма. По существу это является призывом к войне против социалистического лагеря, возглавляемого СССР. Средневековые инквизиторы, сжигавшие на кострах «еретиков», утверждали, что они не проливают ни капли христианской крови. Таково же лицемерие современных католических мракобесов, пропагандирующих якобы «ради мира» войну против миролюбивых народов.

Семь католических теологов, проживающих в Западной Германии, в своем совместном заявлении, опубликованном в печати в 1958 г., утверждают, что применение атомных средств борьбы не обязательно должно противоречить моральному порядку и не всегда является грехом. Хотя Ватикан ревниво наблюдает за поведением католических служителей культа, он, конечно, не счел необходимым осудить это милитаристское выступление. Отсюда видно, что далеко не все католические идеологи считают необходимым прикрывать империалистический экспансионизм елейно-миролюбивыми фразами. Это относится не только к малоизвестным католическим патерам, но и к известным философам. Американский философ Д. Сантаяна, весьма близкий к «неосхоластицизму», считает войну естественным, нормальным состоянием общества. Используя социал-дарвинистскую фразеологию, Сантаяна рассматривает войны как необходимое выражение естественного отбора в общественной жизни. Лишь благодаря войнам, пишет он, возможно совершенствование человеческого рода и выделение из «серой» массы человечества избранной, правящей касты — «элиты». Это человеконенавистническое понимание прогресса Сантаяна пытался обосновать в своей вышедшей в 1951 г. книге «Власть и господство», где он выводит войны из «природы» человека, из ее животной, отягченной первородным грехом «основы».

Среди французских католических теоретиков, доказывающих фатальную неизбежность и благотельность

¹ J. Maritain, *A travers le désastre*, Paris 1946, p. 115.

войн и пытающихся убедить массы в том, что идеал вечного мира между народами утопичен и чуть ли не аморален, можно указать, например, на Анри Серуйя, который в своей книге «Философская проблема войны и мира» (1946 г.) называет борцов за мир «наивными мечтателями» и пытается доказать, что война является элементарным жизненным актом, столь же необходимым, как питание, дыхание и т. п. Подсовывая читателю мистическое понимание жизни, как чего-то иррационального, непознаваемого, невыразимого, Серуйя утверждает, что все живое ведет войну уже самым фактом своего существования, что война «тождественна жизни», она «приуща природе вещей». Он софистически вопрошает: «Не указывает ли усилие цыпленка, разбивающего скорлупу, что маленькое животное совершило маленькую индивидуальную войну...»¹ Мистифицируя вполне определенное, конкретное понятие войны, Серуйя подменяет его беспредметным, расширенным до бессмыслицы определением войны, из которого выхолащено ее реальное содержание. Логический фокус, проделываемый этим философствующим реакционером, заключается, таким образом, в том, что из понятия войны выхолащивается его общественно-историческое содержание. Война превращается в биологический акт. И это называется (автор не скупится на похвалы самому себе) глубоким философским анализом вопроса!

Правда, ни Серуйя, ни Сантаяна не являются непосредственно приверженцами неотомизма. Однако вместе с неотомистами они являются пропагандистами Ватикана, превозносящими католицизм как единственно спасительное средство для современной буржуазии.

Так называемые христианские партии в капиталистических странах являются проводниками идей Ватикана на политической арене. Так, западногерманская христианско-демократическая партия, возглавляемая Аденауэром, настаивает на вооружении бундесвера атомными и водородными бомбами. «Нельзя расценить иначе, как злую иронию,— говорит Н. С. Хрущев,— тот факт, что культ атомного вооружения в Западной Германии созда-

¹ *H. Sérrouya, Le problème philosophique de la guerre et de la paix, Paris 1946, p. 30.*

ет партия, именуемая себя христианской»¹. Само собой разумеется, что Ватикан благословляет эту безумную, бесперспективную политику западногерманских империалистов.

* * *

Католические обскуранты ненавидят марксистско-ленинское мировоззрение, ибо оно в корне противоположно религиозной проповеди рабского смирения, оно непримиримо ни с какой реакцией, зовет на борьбу против сил и традиций всего отживающего, глубоко проникнуто жизнеутверждающей верой в человека. Стремясь принизить научное значение марксизма, философствующие реакционеры уверяют трудящихся капиталистических стран, что советские люди следуют диалектическому материализму не потому, что они убеждены в его истинности, а из страха перед возмездием, которое ожидает всех коммунистов, еретиков, атеистов на том свете. Так, например, Г. Веттер говорит, что «страх перед богом» вынуждает советских людей «бросаться в объятия идола», т. е. материализма и атеизма. Мы, дескать, отрицаем бога, чтобы отбросить страх перед наказанием за смертные грехи.

Смешны и нелепы эти заклинания католической реакции. Рабочие всех стран все более и более проникаются сознанием того, что их социалистические идеалы находятся в полном соответствии с объективными законами развития общества. Именно этим должны быть объяснены новые нотки в выступлениях ряда известных представителей католической идеологии, свидетельствующие о том, что эти католические идеологи считают необходимым некоторое изменение тактики борьбы против социализма с целью лучшего приспособления к новой исторической ситуации, когда международное значение СССР и других стран социалистического лагеря неизмеримо возросло. С этой точки зрения должна быть, в частности, оценена книга известного представителя неотомистской философии иезуита К. Брокмёллера «Христианство на заре атомного века». Брокмёллер в отличие от других представителей неотомистской философии, утверж-

¹ Н. С. Хрущев, Речь на V съезде Социалистической единой партии Германии, Госполитиздат, 1958, стр. 15.

дает, что христианство по природе своей отнюдь не враждебно социализму. Коммунисты, пишет Брокмёллер, отрицают близость христианства к социализму лишь из пропагандистских соображений, для дискредитации христианского вероучения. Католицизм, подчеркивает он, не всегда находился в союзе с буржуазией; не следует поэтому полагать, что дело католической религии сводится к тому, чтобы «защищать буржуазные жизненные ценности»¹. Скорее, наоборот, говорит он, католицизм призван, отвергая атеистическое обоснование социализма, обосновывать дело социализма христианскими аргументами.

Брокмёллер, как это характерно для подавляющей массы буржуазных противников марксизма-ленинизма, противопоставляет социалистическое учение коммунизму. «Солидаризируясь» с первым, он всячески пытается опровергнуть коммунизм, называя его богопротивным, антихристианским учением, с которым недопустимо какое бы то ни было соглашение. Но то, что Брокмёллер называет социализмом, как и следовало ожидать, оказывается все тем же размазанным, приукрашенным капиталистическим строем, якобы освобожденным от присущих ему коренных пороков. Таким образом, ясно, что Брокмёллер — враг не только коммунизма, но и настоящего социализма. Тем не менее выступление отца-иезуита под флагом христианского социализма — весьма характерный симптом, свидетельствующий о том, что идеологи Ватикана не могут не считаться с историческими успехами социалистического лагеря, с борьбой трудящихся капиталистических стран против наемного рабства. Именно поэтому католический теоретик вынужден утверждать, что диалектический материализм в противоположность идеализму исходит в сущности из тех же предпосылок, что и христианская религия. «И он собственно возник не в противовес подлинному христианству, а в противоположность враждебной христианству философии немецкого идеализма, так же как и в противоположность враждебной христианству идеологии буржуазного мира»². Это заявление Брокмёллера явно рассчитано на то, чтобы привлечь на сторону

¹ *Kl. Brockmüller*, *Christentum am Morgen des Atomzeitalters*. Frankfurt am Main 1955, S. 147.

² *Ibid.*, S. 161.

католицизма тех представителей трудящихся, которые склоняются к диалектико-материалистическому, коммунистическому мировоззрению. Дабы задержать их отход от католицизма, философствующий иезуит признает даже достижения диалектического материализма — то, что диалектический материализм качественно отличается от механистического и вульгарного материализма, существовавшего в XVII—XVIII вв., что эта философия преодолевает недостатки старого сенсуализма, разрабатывает научную теорию абстракции и т. д.¹ «Диалектический материализм, — пишет Брокмёллер, — представляет собой не просто одну из многих философских систем, но является мировоззрением, исповеданием (Bekennnisformel) одной из действующих сил истории»². Воистину, чего только не сделает католический апологет, дабы «спасти христианскую культуру»³, т. е. современный капитализм.

К. Брокмёллер, конечно, не одинок. Его примеру следуют и некоторые другие идеологи католицизма. Так, известный австрийский неотомист М. Рединг в своей книжке «Политический атеизм» (так он именует теорию научного коммунизма) утверждает, что и христианство и марксизм имеют своей целью достижение «конкретной свободы человека»⁴. При этом, по мнению Рединга, научный социализм лишь при определенных исторических условиях враждебен религии, в силу чего можно надеяться, что в дальнейшем «он воздаст справедливую дань также и религиозным устремлениям человека»⁵. Пытаясь выдать католицизм за учение, которое может столь же действенно, как и марксизм-ленинизм, отстаивать интересы трудящихся, Рединг заявляет: «Христианству следует не безусловно отрицать классовую борьбу, а лишь рассматривать ее как самое крайнее средство, для того чтобы добиться удовлетворения справедливых требований человечества»⁶. Профессор Рединг и другие католические идеологи с помощью этого вынужденного признания необходимости классовой

¹ См. *Kl. Brockmüller, Christentum am Morgen des Atomzeitalters*, S. 157.

² *Ibid.*, S. 173.

³ *Ibid.*, S. 177.

⁴ *M. Reding, Der politische Atheismus*, S. 246.

⁵ *Ibid.*, S. 235.

⁶ *Ibid.*, S. 248.

борьбы надеются укрепить свое влияние в массах трудящихся.

В другой своей книжке — «Фома Аквинский и Карл Маркс» М. Рединг доказывает, что «святой» Фома и великий основоположник научной идеологии пролетариата К. Маркс «имели одного общего учителя» и «были гениальными и оригинальными аристотеликами». Для подтверждения этого несуразного тезиса М. Рединг ссылается на высокую оценку Аристотеля, данную Марксом в первом томе «Капитала». Эта оценка якобы свидетельствует о духовном родстве экономического учения Маркса с воззрениями Аристотеля. Другим, столь же «разительным» аргументом является ссылка на историческое отношение философии марксизма к философии Гегеля, который, оказывается, был «наиболее выдающимся и оригинальнейшим аристотеликом последнего столетия». Наиболее общим в философских воззрениях Маркса, Аристотеля и «святого» Фомы является, по утверждению М. Рединга, «борьба за реабилитацию чувственной, материальной действительности и подчеркивание подчиненности отдельного индивида обществу»¹.

Нет необходимости доказывать, что Маркс не был аристотеликом, что его философское, экономическое и социалистическое учение органически враждебно религиозно-идеалистической системе Фомы Аквинского. Следует лишь подчеркнуть, что ссылка на Маркса, великого мыслителя, дорогого трудящимся всех стран, нужна неотомистам для подкрепления своих собственных идеологических позиций.

Выступления неотомистов против марксизма, как и заигрывание с ним, — все это лишь разнообразные формы борьбы с научной идеологией рабочего класса.

Более 50 лет тому назад Г. В. Плеханов в статье «Основные вопросы марксизма» писал: «До сих пор не было сделано попытки «дополнить Маркса» Фомой Аквинским. Но нет ничего невозможного в том, что, несмотря на недавнюю энциклику папы против модернистов, католический мир выдвинет когда-нибудь из своей среды мыслителя, способного на этот теоретический подвиг»². Это

¹ М. Reding, Thomas von Aquin und Karl Marx, Graz 1953, S. 5, 10.

² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, Госполитиздат, М. 1957, стр. 125—126.

полное глубокого сарказма замечание выдающегося представителя марксистской философии ныне получает подтверждение благодаря теоретической деятельности М. Рединга и подобных ему неосхоластов.

События последних лет убедительно говорят о том, что политика «холодной войны», проводимая агрессивными империалистическими силами, терпит поражение. Идея сосуществования и сотрудничества различных социально-экономических систем получает все более и более очевидное признание. Это-то и вынуждает неотомистских социологов изменять свои тактические установки. Оставаясь по-прежнему непримиримыми врагами марксизма-ленинизма и социалистического строя, неотомистские социологи заявляют теперь о необходимости считаться с существованием социалистического лагеря, о необходимости «переварить» научную социалистическую идеологию и «преодолеть» ее не путем лобовой атаки на марксизм-ленинизм, а путем «освоения» ее основных идей.

В этом отношении несомненный интерес представляет опубликованная в 1955 г. в Западной Германии книга Ф. Хеера «Встреча с врагом», в которой резко осуждаются дискредитировавшие себя формы неотомистской «критики» марксизма, сводившиеся обычно к крикливому и безоговорочному отбрасыванию марксистских идей. Такое отношение к марксизму автор квалифицирует как своеобразный изоляционизм, забвение духа времени. Ф. Хеер пишет: «Христианское мышление и христианская идеология задохнутся в песке самодовольства, закостенеют, как тщетная игра самообеспечения с мнимо религиозными понятиями и средствами, если они не решатся допустить к себе целиком своих врагов и противников с их проблемами, трудностями и поисками»¹.

Ф. Хеер вполне сознает, что марксистско-ленинские идеи уничтожения эксплуатации, национального гнета, войн и т. д. нельзя просто отбросить как якобы неразумные утопии. Он понимает, что нельзя просто отмахнуться и от марксистско-ленинской критики капитализма и его идеологии. Именно поэтому Хеер призывает «учиться у своих врагов и выслушивать от них неприятные, горькие истины, которые в нашей среде хитро замазываются, запутываются словами и замалчиваются»².

¹ *Fr. Heer, Begegnung mit dem Feinde, 1955, S. 68.*

² *Ibid., S. 41.*

Однако было бы ошибкой полагать, будто бы Хеер и подобные ему представители неотомистской философии действительно хотят «учиться у своих врагов». Существование социализма Хеер рассматривает как зло, необходимое для совершенствования добра. Хеер напуган великими успехами освободительного движения трудящихся и призывает поэтому к изменению тактики: если не удалось победить социализм в открытом бою, нельзя ли попытаться удушить его в объятиях. Поэтому он и утверждает, что «европейское христианство выиграет столкновение только тогда, когда оно тихо, нежно, на голубиных крыльях, спокойно, с бесконечным терпением, опекая и относясь с любовью к самому чуждому и далекому, по-новому проявит себя в Азии, Африке и Южной Америке...»¹

Возрождая средневековые идеи, наполняя их буржуазным содержанием, неотомизм искусно приспосабливается к изменяющимся условиям, активно реагирует на новые вопросы, выдвигающиеся общественно-политическим развитием, учитывает ненависть масс к капитализму, их надежды на социалистическое преобразование общества. Именно поэтому систематическое разоблачение этой реакционной философии является насущной идеологической задачей философов-марксистов.

¹ *Fr. Heer, Begegnung mit dem Feinde, S. 20.*

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Реакционно-утопическая проповедь возвращения к средневековью и ее действительный социальный смысл	10
Неотомизм — возрождение средневековой философии Фомы Ак- винского	18
Философское кредо неотомизма	27
Неотомисты — апологеты капитализма	52

*Интересные цифры: (по ж. су. 13 записки
матр.)*

*5400 мл. - ~~родов~~ численность населения
в мире за 1 год.*

*14513 - число всех вод на протяжении
всей геологической истории.*

*89 стран - суверенные государства во всем мире.
Из них ~~только~~ 47 стран не имеют
вовсе никакой промышленности.*

Ойзерман Теодор Ильич
Неотомизм — философия современной
реакционной буржуазии

Редактор *З. Сумник*

Обложка художников: *И. Сталидзана и М. Эльцуфена*
Технический редактор *Р. Москвина*
Корректор *Д. Пречистенская*

Сдано в набор 30 декабря 1958 г. Подписано в печать 21 февраля
1959 г. Формат бумаги $84 \times 108^{1/32}$. Бумажных листов 1,3.
Печатных листов 4,3. Учетно-издательских листов 4,38.
Тираж 25 000 экз. А 01927. Цена 1 р. 25 к. Заказ № 2617.

Издательство социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза. Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Гр. 25 к.